

Илья Тё

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ

Илья Тё
Топот бессмертных
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Радиант Пильмана», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6149501

*Тё, И.Б. Радиант Пильмана. Топот бессмертных : [фантастический роман] : АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-080565-5*

Аннотация

Аспирин – лекарство от головной боли. Но не только. Этому сталкеру нужно провести непонятную, странную, обреченную на смерть группу иностранцев в сердце Зоны Три-Восемь.

Зачем?

Ответ на вопрос знает только жуткое существо, обитающее внутри пространственной аномалии, известной как феномен Стикса, расположенной в комплексе заброшенного атомного завода.

Прошло пятнадцать лет со дня Посещения, Зона Три-Восемь еще молода. Аспирин во главе беззащитных «туристов» отправляется туда, чтобы добыть для человечества лекарство от смерти.

Содержание

Пилюля первая	5
Пилюля вторая	10
Пилюля третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Илья Тё

[Радиант Пильмана] Топот бессмертных

Из интервью, которое специальный корреспондент Хармонтского радио взял у доктора Валентина Пильмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19... год:

«— ...Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана?»

— Полагаю, что нет. Радиант Пильмана — это не первое, не серьезное и, собственно, не открытие. И не совсем мое.

— Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана — понятие, известное всякому школьнику.

— Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его «Истории Посещения» — там все это подробно рассказано. Открыл радиант впервые школьник, опубликовал координаты впервые студент, а назвали радиант почему-то моим именем.

...

Радиант Пильмана — это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть того, что вы называете моим первым серьезным открытием, заключается в простом факте: все шесть Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля — Денеб. Денеб — это альфа созвездия Лебеда, а точка на небесном своде, из которой, так сказать, стреляли, и называется радиантом Пильмана».

Аркадий и Борис Стругацкие, «Пикник на обочине».

СТАЛКЕР

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А.Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие — уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Пилюля первая Хреновый анализ

*Дела давно минувших дней...
В Зоне – спустя месяц и более*

Легкий двухмоторный самолет бизнес-класса плавно завалился набок и, ускоряясь, пошел вниз. Пробив покрывало облаков и спустившись на несколько сотен метров, он завершил маневр и выровнял корпус. Два человека в строгих черных костюмах, сидящие в направлении друг друга, прильнули к иллюминаторам.

Большую часть пространства внизу занимали беспокойные воды Японского моря. Впереди хорошо просматривалась береговая линия Корейского полуострова. Чуть левее, ближе к старому Восточно-Корейскому заливу можно было рассмотреть белесую дымчатую шапку, накрывавшую Зону Три-Восемь по обе стороны Великого Разлома. Сезон туманов в этом году непривычно затянулся. Затянулся больше, чем когда-либо, – на неделю.

– Она? – спросил пожилой, достаточно крепкий мужчина у своего молодого попутчика, кивнув в сторону белого покрывала.

– Да, Такада-сан, говорят, этот туман – самый верный маркер границы аномальных территорий. Точнее определить никто не может, да и смысла в этом особого нет. На всякий случай периметр возвели с большим запасом, так что внутри имеется буферная зона. Там нас встретят.

– Не нас, а меня, – ответил старший без малейших оттенков эмоций. – Здесь наши пути, Серьёжа, расходятся.

Пожилой японец произнес имя своего попутчика на его родном языке. Славянское слово порвало грубую монотонность его речи.

– Тебе незачем следовать за мной, – продолжил он после небольшой паузы, – это мой путь. Он, я чувствую, близится к концу. А перед тобой, Серьёжа, расстилаются сотни дорог, из которых ты должен выбрать одну.

– Такада-сан! Я уже выбрал, – вскрикнул молодой человек, поддавшись эмоциям. – Наш путь и судьба будут общими! Я так решил!

Пожилой человек устало рассмеялся, но в этом смехе не было и тени пренебрежения или насмешки к горячим словам молодого. Японец оторвался от иллюминатора и окинул добродушным, можно сказать, любящим отцовским взглядом своего попутчика, щеки которого залил яркий румянец.

– Мой лучший ученик, ты и так сделал для меня, старика, то, что не смогли ни деньги, ни связи. Ты нашел то, что я искал все эти долгие годы, и помог сэкономить единственное, самое ценное для меня – время. Не хочу даже знать, на что ты пошел, чтобы твои советские соотечественники дали нам это воздушное окно. Но теперь оно у нас есть, и я отправлюсь туда один, навстречу своей судьбе.

– Такада-сан, вы так говорите, как будто идете не к долгожданной цели, а на закланье! Если вы так уверены, что сгинете раньше, чем достигнете конечного пункта, тогда зачем следовать по этому пути? И зачем было выкладывать такую колоссальную сумму за это сомнительное мероприятие?

– Тебе не понять. – Пожилой человек вновь прильнул к иллюминатору. – Поживи с мое, и ответы на многие вопросы, мучающие сейчас, станут настолько очевидны, что будешь вспоминать молодость и улыбаться своей наивности.

– И все равно я отправляюсь с вами, – твердо произнес молодой и глянул на свои наручные часы. – Как бы там ни было, две катаны лучше одной. До воздушного окна у нас девятнадцать минут. Советские пограничники готовы закрыть глаза и не замечать нас всего десять минут, поэтому мы должны быть готовы до того, как пересечем Великую Корейскую Стену.

– Успеем... – произнес пожилой японец, не обращая внимания на суету молодого. – Как любопытно. Одними из самых многочисленных потребителей нашей продукции являются сталкеры, а я о них ничего не знаю. Откуда у них столько денег, чтобы приобретать наши дорогие гаджеты?

– Как откуда? – искренне удивился молодой. – А хабар? За прошедшие годы хоть и выгребли большую часть инопланетных артефактов из этой Зоны Посещения, но остались труднодоступные районы самого Разлома. Мало кто решается грозовой пояс пересечь. Еще меньше народа назад возвращается. Но кто оттуда приходит, как правило, приносит что-то ценное. А для сталкера нет лучшего вложения капитала, чем наши наладонники, в которых встроены добрый десяток устройств. КПКшки помогают сталкерам выживать в Зонах Посещения. Хороша была ваша идея совместить дозиметры, видеокамеру, записывающее устройство и прочую ерунду в один маленький карманный компьютер!

– Да, хороша. – Пожилой человек кивнул и сменил тему разговора. – А что ты там говорил про людей-мутантов?

– Ну, это сейчас одна из злободневных тем – головная боль всех отделов Международного Контроля. После заварушек и протестов в китайских лагерях корейские беженцы толпами повалили назад, на родину. Тогда же все думали, что они идут на убой. Даже состряпали ту печально известную резолюцию, по которой все желающие корейцы имели право беспрепятственно пересечь периметр, чтобы «умереть на родине». Как говорится, нет беженцев, которым нужны тонны гуманитарной помощи – нет проблемы. Насколько я помню, успели тогда проскочить три волны реэмигрантов. Вот только не все вернувшиеся поспешили помереть. Многие смогли выжить, сбились в общины, а многих Зона изменила до неузнаваемости. Люди массово подверглись каким-то странным мутациям, озверели, каннибализмом не брезгуют... Короче, ко всем прелестям Зоны добавились еще кровожадные мутанты с остатками человеческого разума и нечеловеческими способностями. Что может быть хуже, чем хищники с остатками человеческого интеллекта? Вот их нам нужно опасаться больше всего.

– За свои долгие годы жизни, Серьёжа, я не встречал более опасной, кровожадной и подлой твари, чем обыкновенный человек. Особенно если этот человек слаб телом и духом. Такой зверь не упустит возможности ударить в спину. Все мутанты Зоны Три-Восемь ничто в сравнении с такими особями. А если они держат в руках автомат и уверены, что останутся безнаказанными?.. Думаешь, много таких среди сталкеров?

– Думаю, каждый второй, – ответил молодой после небольшой паузы и добавил: – Вот потому я и должен идти с вами, чтобы спину прикрыть.

– Я предвидел, такой поворот событий, Серьёжа, и приказал взять на борт лишь один парашют – для меня. А ты вернешься в Куширо и на собрании директоров огласишь мою последнюю волю.

– И я в вопросе предвидения преуспел. У меня был хороший учитель. – Молодой человек улыбнулся. – Я захватил свой собственный парашют. Так что свою волю, Такада-сан, огласите сами, когда вернемся.

– В молодости я был точно таким же, – улыбнулся пожилой японец и устало откинулся в кресле.

Но эта расслабленность и видимая усталость были не более чем трюком, рассчитанным на усыпление бдительности молодого человека. Все мышцы и нервы старика с самого утра были натянуты звонкой струной.

– Слушай, а почему тебя все остальные ученики называют Купачапра? – Японец вдруг задал совсем уж отвлеченный вопрос.

– Чупакабра, – поправил молодой человек и заулыбался, вспоминая случай из своей жизни, – это мистическая зверушка из городских легенд, убивает домашних животных, высасывает всю кровь. Действует ночью, перемещается скрытно, следов, кроме трупов, не оставляет. Никто ее никогда не видел, но все знают, что она есть. И боятся... Если словосочетание «домашних животных» взять в кавычки, то вам, Такада-сан, это ничего не напоминает?

Оба человека от души рассмеялись. Попутчик старика вовсе расслабился и потянулся за серебристым чемоданчиком, который стоял рядом со столиком.

– Не знаю, сколько времени займет у нас эта прогулка, но, думаю, нужно подстраховаться. – Молодой человек достал ампулу с мутноватым веществом. – И, Такада-сан, не надо...

Ученик даже не смог заметить молниеносного выпада своего учителя. Он просто обмяк в своем кресле и отключился, пораженный в уязвимую точку мастерским ударом старика.

– Прости, Серёжа, не сегодня, – вздохнул японец и с отвращением глянул на ампулу, упавшую на коврик под ноги. – Это уже лишнее, независимо от результата...

Пожилой мужчина последний раз глянул сквозь стекло иллюминатора. Белая шапка тумана вдали всё так же шевелилась и «дышала», словно это был не туман, а какое-то странное живое существо. Вдруг белесая хмарь дернулась и зашевелилась еще активнее. Движение огромного облака водяной взвеси сейчас напоминало конвульсии раненого зверя. Туман начал стремительными рывками отступать от внешней границы Зоны Три-Восемь, оголяя выщербленные аномальными воздействиями холмы и руины брошенных поселений. Спустя минуту белое покрывало полностью всосалась куда-то в глубь Зоны, в сторону Разлома.

– Что же, думаю, это приглашение... – задумчиво произнес японец и стал готовиться к десантированию.

* * *

Серый, как небо Зоны, парашют открылся практически у самой земли, не раньше и не позже, чтобы успеть замедлить до безопасной скорость падения своего хозяина. Немного пролетев над холмами, крыло выполнило резкий маневр и опустило парашютиста на выбранную им полянку.

Человек, одетый, словно средневековый ниндзя, отстегнул подвесную систему с ранцем и быстро собрал ткань крыла. Закинув парашют в кусты и закидав его ветками, мужчина, пригнувшись, побежал в ту сторону, где начиналась Зона. На ходу он глянул на дисплей КПК, закрепленный на предплечье левой руки, и, сверившись с электронной картой, скорректировал свой маршрут. До точки randevu было рукой подать, и времени оставалось более чем достаточно.

Темно-серый костюм со множеством кармашков совершенно не шелестел при движении, как это было свойственно многим тканям. За спиной бегущего маятником раскачивалась рукоять катаны, а на бедре в кобуре виднелся немаленький итальянский пистолет-пулемет SOCIMI восьмьсот двадцать первой модели. Лицо человека скрывала темная деревянная маска, изображающая какого-то японского демона с хищным птичьим клювом.

«Ниндзя» пробежал вдоль пологого холма и спустился в низину, где на ветру раскачивались тонкие ветви молодого леса. Здесь человека поджидал неприятный сюрприз. Между деревьев на полянке разбил лагерь советский пограничный патруль. Утром уже давно не пахло, но большая часть погранцов, вместо того чтобы исполнять свои прямые обязанности, мирно дрыхла на плащ-накидках вокруг костра. Как говорится, солдат спит – служба идет.

Мастеру не составило бы труда тихо снять двух постовых и перерезать артерии всем спящим – это бы заняло немного времени. Но человек предпочел потратить лишние драгоценные минуты и тихо обойти военный лагерь стороной.

На краю леса, судя по меткам на карте, предбанник заканчивался, и начиналась Зона. Именно здесь у кривой завалившейся сосны его должны были встретить. Ниндзя ненадолго задержался в зарослях и осмотрелся. Ни одной человеческой души в округе не наблюдалось. Сосна лежала на открытом пространстве, недалеко от оврага. Разумеется, пространство чудесно простреливалось, и незамеченным подобраться к месту встречи было невозможно. Человек выпрямился в полный рост и смело потопал к причудливо изогнутому стволу дерева. Там, у сосны, он сел на землю, как это делают японцы, и замер. Было непонятно, ждет ли он, медитирует или совмещает оба занятия.

Долго ждать не пришлось. На земле перед человеком вдруг зажглась красная точка лазерного целеуказателя и уверенно поползла вверх по темно-серой ткани его костюма. Человек поднял голову и глянул в ту сторону, где мог расположиться потенциальный стрелок. А стрелок в советском КЗСе и не думал прятаться, он немного приподнялся над кромкой оврага и преспокойно помахал рукой, приветствуя новоприбывшего.

Ниндзя шустро преодолел разделяющее их расстояние и спустился следом за человеком в сетчатом камуфляже на дно узкого оврага. Там его уже давно ожидали остальные члены группы.

– Такада, это ты? Я тебя и под маской узнал, старый черт! – отпустил своеобразное приветствие средних лет мужчина в здоровой ковбойской шляпе. – Хотя эта морда с клювом лучше твоей родной сморщенной физиономии. Прошу, брат, не снимай маску, ты в ней симпатичней.

– И я рад тебя видеть, Билл, – спокойно ответил японец. – У меня даже сомнений не было, что здесь окажется твоя самолюбивая рожа. Прости, у вас принято говорить – «задница»?

– Все, вы закончили? – перебил обмен любезностями человек в КЗСе и обратился ко всем присутствующим: – Ладно, теперь слушаем меня и запоминаем. У кого проблемы с памятью, включайте диктофоны в своих модных электронных цацках.

Пятеро из десяти присутствующих так и поступили, но больше из желания продемонстрировать остальным свои золотые или инкрустированные бриллиантами гаджеты.

– Вот уроды... – тихонечко по-русски проговорил сталкер, заметив этот буржуйский выпендрей, и продолжил на ломаном английском, который, впрочем, присутствующие понимали: – Итак, товарищи клиенты, минуту внимания. Мне известно, что все вы – очень богатые и уважаемые люди. Но только там, за стеной периметра. Здесь вы – куски ходячего мяса в дорогих обертках. Мутантам все одно кого хавать, а пули одинаково чудесно пробивают костюмы «Дольче Габбана» и рубахи трикотажной фабрики «Мудозвон». Аномалиям и подавно пофиг. Отсюда резюме: самый богатый и уважаемый здесь я – ваш проводник. Богатый, блин, своим бесценным опытом. А уважаемый *вами*. Конкретно – каждым из вас. Я – пастырь, вы – мой приход. Я доктор, а вы даже не пациенты, а гребаные анализы с калом на моем столе. Афоризм доходчив?

– Такада, – негромко обратился к давнему знакомому «ковбой», – тебе не кажется, что наш проводник не проявляет должного уважения к твоим благородным самурайским сединам? За то бабло, что я отвалил, он мне должен зад лизать и поскуливать.

– Знаешь, Билл, – мирно возразил японец, – твое мнение, если оно не касается долгосрочных финансовых прогнозов, мне глубоко параллельно. А насчет «зад лизать и поскуливать» – поговори с нашим проводником. У него винтовка, и мы полностью от него зависим. Вдруг он согласится?

– Мне плевать, сколько и кому вы заплатили, – продолжил тем временем сталкер, словно расслышав разговор двух попутчиков, – но за деньги, что заплатили *мне*, я готов вас терпеть. И игнорировать то, за что обычно убиваю на месте. Впрочем, особо ретивым могу сделать исключение и завалить прямо сейчас, насрав на гонорар и прочие прелести. Я лучший проводник из всех, кто согласился вести вашу группу. Я проведу вас безопасной тропой. Только от меня зависит ваша жизнь и целостность вашего драгоценного ливера. Правила просты. Если будете идти за мной след в след и делать то, что я скажу, все пройдет гладко. Если нет – нет. Возможно, кто-то из вас предварительно читал или слышал что-то про Зоны Посещения. Так вот: забудьте все это напрочь. Стрелять, дышать и пердеть будете только по моей команде. – Сталкер внимательно оглядел задумчивые лица своих спутников. – А теперь, буратины, вперед, попрыгали за мной!

Проводник натянул на лицо дыхательную маску, взял в руки рогатку с эргономичной рукоятью и молча потопал по дну оврага, который заканчивался уже где-то в Зоне. Десять человек в разношерстной экипировке цепочкой двинулись за ним. Замкнул строй все тот же недовольный мужик в ковбойской шляпе и с огромным рюкзаком за спиной. Перед тем как идти, он достал из кармана записную книжку в грубой кожаной обложке и тщательно нацарапал золотым паркером по-английски:

«Прикончить проводника!»

Пилюля вторая Мясо средней степени прожарки

*Не чеши брюхо, пока оно сухо.
Народная сталкерская мудрость*

Телятина ерзала по сковородке, угрожающе шипя и потрескивая маслом. Но как бы масло ни стрелялось обжигающими брызгами, твердая рука Александра Кормильцева по прозвищу Аспирин уверенно держала маленькую сковородку над пламенем. Кисть изредка подергивалась, чтобы волокна не пригорели.

Аспирин не любил соскребать нагар с любимой походной сковородочки, запросто помещавшейся в рюкзаке. Легкая, малогабаритная, с удобной пластиковой ручкой, чтобы не обжечь руки, она всякий раз радовала бродягу, когда измызганная душа просила жаркого. На тушенку после долгих походов Аспирин смотреть не мог – тошнило.

Два куса телятины исходили соком, тот шипел на дне сковородки в такт маслу, источая ароматный дым. Мясо равномерно покрывалось румяной корочкой, сводя с ума всю округу одуряющим запахом. Народ поговаривал, что привычка подлеца Аспирина жарить мясо перед баром могла согнать на запах весь периметр, кабы не договоренность с пукханами за регулярный откат. Конкретно за треть доходов «хотеля» люди в форме не замечали заведения и его завсегдатаев. Даже таких эксцентричных любителей жареного, как Аспирин.

С гостей, то есть залетных посетителей уникального предприятия общественного питания, погоны брали дополнительную плату. Официально несуществующая забегаловка-ночлежка считалась вроде как заведением элитным. И предназначалась исключительно для своих и сочувствующих – а значит, обеспеченных баблом лиц. В советской буферной зоне первый бар сталкеров возник еще в Ким-Чхэке, который располагался ближе к Владивостоку. Однако позже, в конце семидесятых, когда грабеж разрушенного Разломом Корейского полуострова приобрел массовый характер, мекка сталкеров и мародеров переместилась южнее – в Танчон.

Армия грабителей-голодранцев, а также обслуживающих их проституток, торгашей и духанщиков с тех пор постоянно росла. Особенный бум этого роста приходился на волны корейских возвращенцев, после вступления в силу Резолюции ООН. Разумеется, пропорционально росло и количество проблем. Но нищая деревня, которой являлся Танчон при северокорейском коммунистическом режиме, медленно и уверенно превращалась в крупный населенный пункт. Населенный, правда, отбросами. Именно на них и был рассчитан «хотель». О своих делах посетители «хотеля» лишней раз старались не распространяться. Но бабло платили исправно, иного же не требовалось.

Когда, бросив ПТУ и тихие радости студенческого Владивостока, Аспирин впервые оказался в невзрачном корейском городишке, из нашептанных в пьяном угаре слов, грязных улиц, лающих погранцов, тупых потасовок и рваных разговоров перед юным Кормильцевым раскрылся удивительный мир.

Удивительность приграничной зоны Корейского Разлома состояла вовсе не в романтике конкистадоров, искателей приключений и прочих тилей-уленшпигелей. Но в выразительной атмосфере, с которой собравшийся сброд верил в удачу и грабил с этим непередаваемым чувством страну, разрушенную катаклизмом. Аспирин был мало знаком с природой Зоны Посещения Три-Восемь и, честно говоря, не интересовался. Подобные ему молодые люди из самых разных республик СССР устремлялись в эти края, влекомые не жаждой наживы, а тем более славы и приключений, но со жгучим стремлением убраться из опосты-

левших городов, от семьи и работы, тревог и забот, составлявших атмосферу, абсолютно убивавшую в жителе современных городов все живое.

Очень немногим удавалось вернуться обратно. Говорили, что были те, кто благополучно ушел на покой, заработал денег, не став инвалидом или душевнобольным. Слухи твердили, что удачливые сталкеры на скопленную лаву отлеживаются на пляжах, причем за границей, попивая мохито и пощупывая загорелых мулаток. Назывались имена счастливицов и даже рейды, в которых удалось заработать. Но то были байки – все это признавали. Конечно, отправляясь за хабаром, каждый сталкер мечтал о чем-то подобном, но у корявой действительности имелось свое понимание ситуации.

Неизвестным «пизнесменам», решившим в начале восьмидесятых открыть бар и гостиницу на опасной территории города Тончон, потребовалось полгода на то, чтобы учредить нычку для любителей риска. Правда, условия были сложные. Гостиница, вернее, «хотель» (через «е», не через «э») стала первым публичным заведением, построенным в советской приграничной зоне. Разумеется, с бизнесом все было непросто.

Старый бар в Ким-Чхэке защищали приморские группировки. В отличие от него отель в Тончоне отношения к криминалу не имел. Заведение берегли пограничники, точнее, специальное подразделение вооруженных сил Советской Армии, созданное для охраны «русского» отрезка периметра. Последний раскинулся на территории бывшей корейской провинции Северный Камгён почти на пятьдесят километров от Японского моря до рек Ялу и Туманган.

Русские «камгёнские» погранцы подчинялись непосредственно Министерству обороны СССР, общим директивам совбеза ООН и плевали на все, кроме внутренней дисциплины. В первые годы после появления Зоны Разлома, в воздухе витала идея полной зачистки зараженной территории и ликвидации населяющих ее уродов. Мутантами считалось все, что смогло пережить катаклизм и подавало признаки жизни. В том числе местное население, не успевшее свалить. Разбираться, кто из аборигенов сохранил человеческий облик, а кто нет, погранцам было недосуг, и они безжалостно мочили все, что двигалось. «Спасти мир от заразы Зоны!», – так звучал бравый лозунг камгёнских стрелков. Резолюция Реэмиграции, однако, сильно охладила их пыл и, скажем откровенно, даже повергла в некоторый ступор. Отныне директивы *запрещали* бесконтрольный отстрел живности, несмотря на всю притягательность. Когда же нестройные волны мутантов стали в ответ накатывать на периметр, военные и вовсе потеряли энтузиазм – окопались в приграничных укреплениях и отстреливали лишь тех, кто пытался покинуть Зону. Впрочем, отдельные пограничные заставы сохранили радикальные взгляды, плевав на все совбезы и резолюции. Как в старые добрые времена, они продолжали засылать в Зону Три-Восемь так называемые дальние патрули с вполне понятными задачами. Примечательно при этом, что большинство сталкеров волей-неволей с погранцами пересекалось – слишком удобным местом для искателей приключений, разбойников и бродяг являлись заведения, работавшие на самой кромке периметра. С одной стороны, в отеле и подобных ему местах существовал постоянный приток новых кадров (свежее мясо), с другой стороны – их концентрация облегчала возможность контроля над сбором хабара. Правда, число вольных сталкеров, пострадавших от рук военных, считалось гораздо большим, чем порешили мутанты и радиация. Но при этом число оставалось неизвестным, что, разумеется, сглаживало шероховатости. В целом советским военным в Тончоне следовало отдать должное: именно они силой оружия поддерживали более-менее шаткий порядок, в котором нуждались бродяги Зоны. Но именно они – убивали неугодных сталкеров. В любом случае подарки отеля были слишком щедры, чтобы оставшиеся в живых могли от него отказаться. Хотель дарил относительную безопасность, являлся местом отдохновения, столом переговоров, точкой сбыта хабара, сделок, найма, получения и продажи информации, бак, сплетен, легенд и свежих новостей Зоны Три-

Восемь. Хотель давал горячую пищу и, в конце концов, был просто приличным кабаком, где можно сдвинуть стаканы с ханкой без оглядки на прыгающего со стороны попы мутанта. Хотель был хорош...

Шмыгнув носом, Аспирин вздохнул. Рядом с ним, разложенный на рюкзаке и полиэтиленовом пакете, ждал порезанный хлеб. Возле рюкзака прямо на земле стояла бутылка с красным вином. Не хватало лишь главного ингредиента. Аспирин вслушивался в урчание желудка и истязал силу воли, ожидая, пока прожарятся скворчащие, невыносимо ароматные куски. Аспирин не любил мясо с кровью. Но особо пережаренные тоже не любил. Нужно было поймать именно ту непередаваемо тонкую грань готовности, которой невозможно добиться по рецепту, но можно научиться чувствовать благодаря упорным тренировкам. В свое время Аспирин проходил службу на флоте, но в моря не ходил, а был зачислен в спортроту. Так что уж в чем-чем, а в тренировке и самоистязании толк знал. Так вот, касательно приготовления мяса Саня мог чувствовать вышеупомянутую грань готовности блюда с невероятной остротой. И сейчас старался довести кулинарный шедевр именно до этой необходимой черты, не перейдя даже на волосок. Что касалось воплей о несовместимости мяса и дешевого чилийского вина, Аспирин, будучи обладателем стоического желудка и плевателем на светские устои, не обращал на данную мыслеформу внимания. По его личному, не высказанному вслух мнению, любое вино было неизмеримо лучше, чем зубастое огненное пойло, которым травили себя в отеле остальные сталкеры. Хороший стейк и сухое красное – вот в чем, по мнению Аспирина, заключалась сила. Бродяга был в этом искренне убежден.

Эксклюзивная трапеза в виде телячьей вырезки и чилийского не являлась «обычным» товаром харчевни сталкеров. По особому заказу Аспирина их присылали спецкурьером, исключительно для него, выпендрежника. Хозяин гостиницы, некий Толик-рыжий с поэтическим погонялом Рыжняк, постоянно шутил над Аспирином по этому поводу, но мясо с вином поставлял регулярно, поскольку рассчитывался Аспирин без задержек.

«Походный провиант в Зону – это одно, – вещал бухой Аспирин, оправдывая свой гурманский заскок, – но здесь, за ее пределами можно питаться по-человечески!»

Аспирин искренне не понимал, почему остальные сталкеры отказывают себе в удовольствии отправлять курьера с подобными посылочками за пределы периметра. Денег с хабара валило немало. Ведь, бывало, задом жрали после удачного рейда. Может, причина заключалась в «сезонности» большинства местных бродяг? Многие рискующие жизнями охотники за хабаром проникали за периметр лишь на одну ходку. Как правило, в поисках неведомого барыша, который должен был свалиться на них с облака. Над такими обычно ржали в голос. А иногда мочили, выследив в Зоне с целью грабежа. Даже если кому из таких «одноразовых» полудурков фартило вернуться с хабаром, их все равно не брали в расчет, поскольку везение не являлось фактором, игравшим главную роль. Как максимум – над ними переставали угарать в горло, отдавая уважение госпоже удаче.

Основной контингент русских сталкеров состоял из людей, прибывавших из Владивостока на заработки второй-третий раз. Таких именовали сезонниками. Выжимая из походов все, они пытались «вкладываться» в какой-нибудь вшивый бизнес, дабы урвать как можно больший кусок и больше *никогда* не бывать в Зоне Три-Восемь. Деньги, естественно, валили в анус – на ханку, оружие, отдых, баб и прочее, без чего сталкеру прожить невозможно. Но как только деньги заканчивались – знакомые лица снова мелькали в баре.

Впрочем, как понимал Аспирин, дело заключалось не только в бабле. «Зов Зоны», как называли его старожилы, был явлением не надуманным – он реально существовал. Та категория людей, что могла в Зоне *выжить*, притягивалась обратно словно магнитом. Возможно, это было нечто вроде перманентной, неизвестной науке аномалии, засевшей в глубине созна-

ния тех, кто побывал в удивительном месте хотя бы раз. Возможно – просто особенностью психологии той самой активной части человечества, что не может прожить без адреналина.

Наниматели, желавшие попасть в группы к «бывалым» проводникам и хоть краем глаза глянуть на мир, что представляла собой зона Разлома, делали ставку на опыт сталкера, на количество ходок, а также... на его славу.

И вот тут наступал звезда. Известных и опытных топтунов по зоне Разлома можно было пересчитать по пальцам. Поправка – *живых* опытных топтунов. Еще меньше было сталкеров, которые сходили под сам «грозовой колпак» Разлома и вернулись оттуда. Такие, как правило, тащили с собой что-то уж вовсе запредельное. Если их никто не мочил на обратном пути, вырученного с хабара обычно хватало на то, чтобы оставить распроклятую маму-зону навсегда. Но даже самым умелым ходакам в центр полуострова хорошо знакомые аномалии порой приносили неожиданные сюрпризы. Существовали и какие-то иные причины, от которых люди не возвращались. Потому каждый раз по истечении месяца Рыжняк-Толя писал на большой доске, прибитой к стене, исписанной, исчерченной, исцарапанной вдоль и поперек, имя очередного *пропавшего*. Или фамилию с инициалами, что, впрочем, случалось гораздо реже. После записи Рыжняк ставил под доской рюмочку, накрытую коркой хлеба.

Для приморских сталкеров оба предмета являлись своего рода символами, одинаково важными и священными. Доска с пометкой и рюмка. Достойный памятник человеку, всю жизнь прожившему с калашом, ежедневно подвергавшему себя риску, ежемесячно совершавшему безвестные подвиги и страшные злодеяния. Эта традиция красноречиво напоминала, насколько опасен труд «профессионального бомжа в краю аномалий».

* * *

Таких сталкеров, как Аспирин, фактически живущих за охранным периметром с момента учреждения совбезом ООН буферных зон на краю Разлома, и вовсе оставалось в хотеле трое: сам Саня-Аспирин, его давний кореш и по совместительству хозяин гостиницы Рыжняк, а также подручный последнего, он же курьер-посредник между внешним миром и предбанником Зоны – некий Кеша-Почтовый.

Слово «предбанник» было брошено кем-то вскользь, но весьма удачно. Реально предбанник представлял неполный десяток квадратных километров так называемых земель адаптации, образовавшихся после знаменитого и столь же катастрофического приземления инопланетян в зоне тридцать восьмой параллели. Предбанник считался местом, где себя еще не проявляли в полной мере аномалии, но некоторые физические законы мира-за-периметром уже не действовали. Здесь, например, не было ветра. Что ни день, стояла мрачная, склизкая погода. Впрочем, на предбаннике могла сказываться не инопланетная метафизика, а влияние отвратительного приморского климата.

Земля за границей предбанника практически сразу являла чужакам свой жутковатый нрав. Безжалостный контраст со знакомым миром ощущался во всем. Даже воздух был тут другой, непонятный, истлевший и выгоревший, поблекший, навсегда впитавший в себя серую радиоактивную пыль и прочее дерьмо, которым богата атмосфера над Разломом. В этом воздухе, словно в погасшем мареве, рассыпались яркие краски привычного людям мира, оставляя лишь вечное пепельное стекло, похожее на разбитые бельма полуразрушенных домов Пхеньяна или Сеула. Померкла, остановилась здесь жизнь, совсем по-другому, иначе потекло время. Каждый пришедший сюда человек скоро начинал понимать, что за унылой картиной растянувшегося, бесконечного умирания, за пустыми развалинами и обрывками притаилась другая, чуждая, враждебная жизнь, непонятная и яростно агрессивная. Все вокруг словно давало понять – человек чужд этому месту. Его здесь никто не ждет. Время его ушло отсюда безвозвратно.

Днем и ночью в предбаннике висела привычная дымка – чистое небо и солнце оставались невидимы. Еще реже показывались звезды. Звезды... Их Саня почти не помнил, предпочитая ложиться с закатом и просыпаться с восходом. Звезды лишь снились ему во сне.

Самым удивительным свойством предбанника, однако, являлось то, что здесь не было радиации. Счетчики Гейгера, сходящие с ума в зоне Разлома, особенно в северной его части, где было много атомных объектов, показывали в предбаннике невозможный в технократическом мире нуль – словно стрелка сломанного прибора. Вот и сейчас Аспирин, борясь с острым желанием вонзить зубы в нежный, обжигаше-горячий стейк, поглядывал на свое последнее приобретение – громоздкого вида часы, подаренные Почтовым. Часики представляли гибрид электроники и механики, работали от самозавода и батареек, а также имели встроенный счетчик Гейгера – предмет, очень полезный жителю города Танчон в некоторых бытовых ситуациях. После акта одарения Аспирин скептически стал смотреть на свой предыдущий, довольно объемный агрегат, всегда присутствовавший в амуниции. Обычный походный счетчик вдруг показался хламом, занимающим бесценное место в походном рюкзаке. Опыт рейдов в глубину Зоны Три-Восемь научил Аспирина ненавидеть каждый грамм веса, который он нес. Необходимые вещи должны быть легкими и компактными. Не только оружие и ловкость спасали Аспирину жизнь, но и выносливость вкупе с неприхотливостью. Опытный сталкер ценил отсутствие лишних граммов на плечах как никто другой. Сколько раз уносил ноги от пуханов – сбился со счета. Мобильность давала преимущество всегда: и в узких туннелях, проломах, завалах, пещерах, при исследовании ржавых вентиляционных шахт, туннелей инженерных сетей. Как правило, лучший хабар находился в самом труднодоступном очкуре, и риск вознаграждался адекватно. Возможно, именно из-за указанных убеждений, Аспирин так и не подружился с распространенными среди более юных коллег КПКашками. Они были легкими и компактными, но Аспирин их не понимал.

Размышляя, сталкер потыкал в жаркое вилкой. Кажется, мясо достигало кондиции. Желудок завопил о пощаде, рот заполнился слюной, но разум одержал верх над инстинктами. Руки неспешно подвели сковородку к рюкзаку, Аспирин аккуратно выложил аппетитные кусочки на хлеб. Прежде чем наброситься на еду, он сполоснул сковородку водой из бутылки и отложил в сторону.

Только затем, усевшись поудобнее на деревянный стульчик, который фактически стал его именем, так как никто не садился на него у кострища перед баром, Аспирин наконец схватил мясо с ломтя. Горячее, оно не спешило остывать. Аспирин достал из бокового кармана пакетик с пахучей пряной приправой, потряс рукой над куском, лишь обозначая присутствие специй. После этого, борясь со внутренним зверем, осторожно откусил и тщательно разжевывал, пробуя на вкус. Получилось чудесно. Приправа тонула в соку, обжигала язык. Проглотив здоровый кусок, Аспирин потянулся за стаканом с вином. Вино и телятину Почтовый пер в герметичном контейнере, поставщики у Почтового были отличные, драли достаточно, как периодически жаловался Кеша, но удовольствие того стоило. И все же у Почтового сегодня был один косяк, подумал Аспирин, работая челюстями. Курьер притащил черный хлеб, в то время как точно знал, что Аспирин жрет белый. Ничего, на фоне всего остального – терпимо.

Хлеб, рис и вообще крупы являлись, возможно, главным таинством зоны Разлома. Кроме барыг и спекулянтов, к этой тайне были причащены разве что спецслужбы. Все давно свыклись с мыслью, что местное зерно *можно есть*. Но никто не задумывался, как, где и кто именно его выращивает. Мука и зерно появлялись в Тончоне вовсе не из-за периметра. Они были именно местными, разломовскими. Причем в округе никто не видел колосившихся полей и рисовых чеков. Развалины же ближайшего Намдонского мелькомбината много лет назад освоили мутанты. Поговаривали, что зерно выращивали и обменивали на медикаменты с товарами первой необходимости выжившие реэмигранты, которые сбились

в крестьянские общины и как-то умудрялись выживать в глубинах Зоны. Но достоверных фактов, подтверждающих эти слухи, не имелось. С другой стороны, отравившихся тутошним хлебом или кашей пока тоже не было, так что претензий не предъявлялось.

Еще одной особенностью предбанника являлось относительное отсутствие животных: ни воронья, ни кошек, ни собак. Даже привычных горбатых гиен, которые возле Разлома казались вездесущими. Запах мяса должен был сгонять с округи весь сброд. Но животных, проникавших снаружи, отстреливали военные (символически выполняя план по защите Разлома от сторонних посягательств). А тех кто прорывался из Зоны, мочили сами сталкера, поскольку нормальными четвероногими эти животные не являлись.

По факту в округе стояла несвойственная животному миру тишина – ни зверей, ни птиц. На последних влиял какой-то внутренний компас – птицы не желали селиться на деревьях предбанника. Пернатые облетали периметр, но садились лишь в Зоне. И никогда в землях адаптации. Тишина, впрочем, объяснялась не только отсутствием животных. Вокруг, что называется, стоял полный штиль, то есть полное отсутствие ветра, неспособное шевельнуть даже листья. Немало ученых, коротавших время перед рейдом в предбаннике, ломали мозги над этим уникальным для планеты Земля феноменом. Но так и не пришли к единому мнению. Ветра в предбаннике не было почти *никогда*. Исключение составлял период, когда заканчивался сезон туманов и начинался более мерзкий сезон муссонов. Один чудак из Швейцарии даже притащил украдкой детали самолета. В несколько заходов собрал его и поднял в воздух, чтобы узнать, на какой высоте начинается «обычный» ветер. Военные попытки не оценили – самонаводящаяся ракета настигла исследователя раньше озарения. Это было логично, ибо откат Толи-Рыжняка камгёнским пограничникам был не настолько велик, чтобы закрывать глаза на международные конвенции, в частности, запрещающие полеты над Разломом без согласования с бюрократами ООН. Несмотря на указанный печальный факт, доля ученых, с радостью наплевавших на широко известный пункт мирового соглашения, была потрясающе велика. Каждая страна хотя бы раз в месяц украдкой подсылала в предбанник человека, который безуспешно маскировался под кого угодно, только не под ученого. Повидавший на своем веку Толя-Рыжняк раскусывал таких на раз-два. Ходил даже слух, что у него есть какой-то особый артефакт, позволяющий определять, врет ли человек или говорит правду. На самом деле никакого смысла во вранье у лжеученых не имелось. Их охотно брали проводники и охотно тащили за собой к Разлому навстречу опасности. Платили голованы исправно, а подопечными были послушными и пугливыми, что считалось немаловажным фактором, поскольку сказывалось на выживаемости группы...

В сгущающихся сумерках у костра Аспирин сидел в одиночестве. Медленно вечерело, скакало давление, небо затянуло тучами, и по ощущениям должен был пойти дождь. Но сталкер не хотел ломиться под крышу. Дело заключалось не в отвращении Аспирина к шумным компаниям, которым он неизменно предпочитал одиночество, а в том, что Рыжняк сегодня подавал в заведении нацмену. Корейскую жрачку Аспирин на дух не переносил. Бутыль с вином неумолимо пустела. На усах, давно сросшихся с бородой, оставались капли. Аспирину было неполных двадцать восемь, из которых девять он провел в Зоне. При этом он вовсе не считал себя старым или молодым, не стремился ухаживать за собой или, напротив, отпустить бороду. Просто в последнее время одолела апатия к внешности. Во-первых, Аспирин справедливо полагал, что ухоженность рожи – не главное для бродяги. А во-вторых, здесь не было никого, перед кем стоило красоваться. Нормальные женщины (шлюхи по прежнему в счет не шли) для буферных территорий Зоны являлись эксклюзивной редкостью. Тогда для кого прихорашиваться?

Вообще в свои двадцать восемь Аспирин с легкостью тянул на тридцать пять или сорок. Длинная щетина и криво бритый затылок; грубая кожа, изодранная ветками и когтями; широкие плечи и тощая фигура при высоком росте; огромные, страшные, узловатые

пальцы с черными ногтями; вечно красноватые, как у всякого нормального сталкера, угрюмые глаза и общий уголовный типаж физиономии – все приводило к тому, что юный двадцативосьмилетний «мальчик» Саша мог пугать людей в ночных переулках – без оружия, просто улыбаясь...

Когда от знатной трапезы остались лишь воспоминания и маслянистые капли на последнем отрезанном хлебном куске, на дороге неожиданно для позднего часа показалась большая группа людей. Аспирин вскинулся. Вместе со шлепающим впереди Почтовым к хотелю приближалось тринадцать человек.

Незнакомцы не понравились Аспирину сразу. Во-первых, на них были цветастые куртки. Ядовито-оранжевого, ярко-желтого, кислотно-зеленого цвета, словно люди не старались слиться с окрестностями, а, наоборот, выставились напоказ. Это было неправильно – ведь только в природе яркое опасно, в Зоне же обмануть внешностью невозможно. Во-вторых, Аспирину раздражали звуки. От компании исходило столько лишнего шума, ора, криков и смеха, будто гости приближались не к самому опасному месту на планете, а к Центральному парку города Нью-Йорк. В-третьих, насторожили самоуверенные лица. Рожи новопривывших и самого Кеши-Почтового откровенно сияли.

Факт говорил о том, что последний срубил бабла, а господа залетные при купюре. Таких клиентов, с тупой улыбкой сорящих деньгами, Аспирин не переносил. Не за наличие денежных средств, разумеется, а за особое к ним отношение. Люди такого типа были уверены в том, что за хрустящие ассигнации можно купить все на свете: покой, безопасность, преданность, даже уважение людей. Но это (возможно, к несчастью) было не так. Нелюбовь Аспирину к подобным типам объяснялась именно печальной необходимостью их *разубеждать*, что в свои двадцать восемь сталкер проделывал уже часто. Возможно, в цивилизованном Владивостоке, Чанчуне, Харбине и прочих близлежащих *нормальных* городах деньги действительно решали все, но здесь, в предбаннике у пукханов и тем более в самой Зоне работал иной закон. И хотя каждый сталкер теоретически был помешан на бабках и мечтал свалить отсюда с кучей зеленых, реально, на уровне подсознания каждый местный осознавал: внутри периметра один патрон, один шаг и одна секунда могут стоять больше любых шальных миллионов.

Аспирин кисло ухмыльнулся в ответ на кивок Почтового и отвернул морду, когда приблизились гости. Придурки фактически светились от радости. Улыбки были как у детей, ожидающих от клоуна фокусов. Кроме белых зубов и придурковатости, у тринадцати незнакомцев имелись увесистые рюкзаки. Саня мог бы поклясться, что они забиты кучей беспонтового барахла.

«Туристы, мать их за ногу, – беззлобно подумал Аспирин, – Почтовый нюх потерял, что ли?»

Костер без внимания создателя стал затухать, и вскоре последние угли затлели едва заметными огоньками. Сытый сталкер присыпал их ногой, ощущая, как не хочется подниматься со стула. Однако табурет не был местом, где можно развалиться, вытянув ноги. То ли дело кресло-качалка на втором этаже в собственной комнатке. Пора было идти.

Двигаться подстегнул дождь. На запястье упала первая капля, и почти сразу к ней присоединились сестры, застучав по грязной лохматой шевелюре. Аспирин лениво натянул капюшон, но дождь как назло усилился, требовательно загоняя сталкера под крышу. Вздохнув, тот наконец сдался и потопал в отель. Терпеть галдящий, полупьяный народ было лучше, чем мокнуть под дождем. Да и цветные чудики наверняка могли повеселить. Не на огонек заглянули – наверняка было дело. Только какое дело могло быть у придурковатых «туристаф», как называл таких Рыжняк, к зоновским ходакам? Разве что шоу захотелось? Ну так Зона покажет актерское мастерство, усмехнулся Саня. Этой только дай волю.

* * *

Поднявшись по трем почерневшим деревянным ступенькам, порядком вросшим в землю за годы существования, Аспирин потянул пальцы к дверной ручке. Тугая пружина, специально прицепленная Рыжняком, как обычно не сдалась без борьбы. Это, типа, была первая метка после российской границы, что хилым и убогим доступ в отель воспрещен – ибо, как говорится, не фиг.

Аспирин понимал, конечно, что массивная дверь, замки, засовы, запасной черный выход, узкие окна-бойницы и бронированное стекло – это все оборонительный проект Толи-Рыжего. Если строишь харчевню в месте, где не должна ступать нога человека, о безопасности стоит позаботиться. Это со временем как-то свыклись с близостью границы Разлома, расслабились. А в первое время жуть пробирала до костей. По слухам, в первый же год существования гостиницы, а по сути, в первый год договоренности с пограничниками об откатах все здесь ходили на цыпочках, реагируя на каждый шорох в кустах и любую подозрительную рожу. Привычка, исходящая из тех времен, когда сталкера были редкостью в Северной Корее и попасть к Разлому было сложнее, чем в генеральский бункер с собственной проституткой. О безопасности тогда вообще можно было лишь мечтать. Пуля в затылок считалась единственной наградой бродягам от охраны периметра. Реже, если позволяло настроение, сталкерам впаривали длительные сроки в колониях, ибо проникновение на запретную территорию приравнивалось к статье за умышленное убийство. Но опасности внешнему миру от корейского Разлома не прибавлялось, так что периметр постепенно сбавил обороты. Состав «камгёновцев» порядком потерял в качестве, и нравы соответственно стали мягче.

Именно тогда один из сталкеров-ветеранов Хохмач получивший прозвище за своеобразное чувство юмора, проявлявшееся в самых сложных жизненных ситуациях, после особо крупного куша в Зоне решился открыть в предбаннике новый «пизнес». В долю он взял Рыжняка, такого же ветерана, как сам. Рыжняк являлся одним из немногих владивостокских барыг, друживших не только с лаве, но и с автоматом. Ходок к Разлому у него было бесценно, за что Рыжняк, будучи торговцем, и заслужил уважение простых сталкеров.

Вместе новоявленные «партнеры» начали строить в предбаннике первое полностью новое здание. Давно заброшенные развалины в округе обживать было почти невозможно и просто опасно из-за ветхости.

Аспирин знал, что сам Хохмач куда-то исчез в своем последнем рейде в зону Разлома. После этого отель принял и удержал на плаву Рыжняк. Он стал полновластным хозяином, но продолжал политику Хохмача по откатам. Таким образом, дружба с вояками крепла год от года, и деятельность сталкеров, каждый из которых, в сущности, являлся самым настоящим преступником-рецидивистом, получила почти официальное одобрение властей. О Хохмаче со временем позабыли. Пошли слухи да прибаутки, больше похожие на добрые сталкерские анекдоты, чем на полноценную информацию.

Отряхивая с себя капли, Аспирин шагнул внутрь здания. Запах пота, лука, соевой пасты и чеснока тут же ударил по мозгам. Клиенты отеля в своем большинстве были русскими и прибывали в Тончон по автомобильной трассе из Владика. Однако кормили в отеле, так сказать, с восточным колоритом, в котором смешивались, как в огромном тандыре, китайская, корейская, славянская, кавказская и тюркская традиционные кухни.

По странному стечению обстоятельств на Аспирина никто не обратил внимания, что сталкера насторожило – фигурой в Тончоне он считался видной. Причина невнимания окружающих отыскалась быстро: все бухавшие как один были заняты разглядыванием господ, изволивших спорить в центре столовой. Базар шел на высоких тонах, кричали трое: Кеша-Почтовый, Толя-Рыжняк и какой-то мужик из «цветастой» группы.

Озадаченный случившимся, Саня подсел за ближайший столик к знакомым пацанам (знакомы были почти все), чтобы узнать подробности научного диспута. За семь лет он ни разу не видел, чтобы Рыжняк повышал на кого-то голос. Почтовый иногда срывался, это было. Но чтобы сам хозяин бара? Нонсенс, едрить.

– Чё за тема? – спросил Аспирин с выражением крайнего интереса на харе. – Орать не работать, да?

Сидевший напротив суровый чел Потапыч, статью похожий то ли на бурого медведя, то ли на борца сумо в камуфляже, оглушительно втянул носом соплю и кивнул башкой на рассевшихся за дальним столиком «туристаф». Имени и фамилии Потапыча никто не знал, так что скорее всего это было очередное погоняло. Потапыч фамиллярностей не поддерживал, но, сволочь, не опровергал, позволяя думать про свое имя что вздумается.

– Саня, понимаешь, – пояснил Потапыч, доходчиво крутя пальцами, – твой Почтовый совсем обуел от бабла. Набрал каких-то богатых мударасов. Те внаглую полезли к воякам на периметре. На камеру сниматься перед стволами. На хрена пацанам такое паливо? Люди в форме, естественно, их послали. Но понимаешь, *Саня*, – в этом месте Потапыч сделал акцент на уважительном обращении к собеседнику, – тут нарисовался наш снабженец. Эти напихали ему полные карманы купюр. А придурок рад! Взял лаве и припер чудесных людей сюда. В Зону оне хотят, понимаешь?

Аспирин улыбнулся, дослушав. Чутье не подвело. Еще раз мазнув взглядом по народу, он осмотрелся.

Сталкера угарали над туристами, периодически отпуская вслух какой-нибудь уродский подкол про внешний вид пришельцев. Те в ответ продолжали улыбаться и кивали, махая руками. Походило на то, что большая часть «туристаф» является иностранцами и не понимает человеческой речи (то бишь русского разговорного). Те же, кто разумел, тоже предпочитал улыбаться – по Карнеги, чтобы не вступать в конфликт с социумом. С одной стороны, это был правильный лейтмотив. Ибо социум был бухим и вооруженным. С другой стороны, иностранцам было невдомек, почему хозяин гостиницы допускал свободное ношение оружия в баре. Черте-те кто в гости не забредал. Те же, кто присутствовал, прекрасно знали, что непонятки решаются за дверью. Не из боязни хозяина или погранцов. Но из уважения к «коллегам» по общности небритых бродяг, гордо именовавших себя сталкерами.

– Моя понимайт, – провозгласил Аспирин, не слушая деталей. После сытного ужина клонило в сон. Единственным желанием молодого человека оставалось пойти на второй этаж и запереться в своей комнатухе. Там развалиться на узкой, длинной кровати, блаженно вытянуть ноги и закрыть глаза. – Раз все в порядке, я спать пойду, – резюмировал Аспирин.

– Саня, не гони. Тебе разве не интересно, чем все закончится? – вернул слово Орех, прозванный так за череп, который однажды не смогли пробить когти мутировавшей в Разломе таежной кошки. Орех сошелся со зверем один на один под Намдоном и выжил, зарезав штык-ножом. В качестве приза победителю достался собственный затылок – целый, но исполосованный шрамами. «Шрамов», однако, среди сталкеров хватало, в итоге появился «Орех».

– Мне насрать, честно, – признался Аспирин честно, – да и ты утром расскажешь, я верю. Потом, орете вы как потерпевшие... Все, я отвалил, – обронил Саня и, не ожидая возражений, потопал к узкой винтовой лестнице, ведущей на второй этаж.

За дверью коридора шум притих, звуки отдалились. Когда же Аспирин прошагал до последней (и самой козырной) комнатенки и отворил ее здоровым ключом, шум, доносившийся со стороны столового зала, исчез вовсе. Хлопнув дверью, Аспирин скинул ботинки и в два прыжка оказался на кровати. Врезавшись лбом в подушку, широко зевнул. Вот она, тишина и покой. Аспирин повернулся на бок, и голова невольно уперлась взглядом в огром-

ный шкаф, стоявший напротив кровати. Дверцу украшало здоровое зеркало. Зеркало было не только большим, но и до невозможности старым, хотя и не дотягивавшим до звания антиквариата. Лежа на подушке, Аспирин цыкнул зубом.

Серые выцветшие глаза, в которых давно погас огонек азарта, смотрели из отражения осуждающе, словно обвиняя за годы, проведенные в Зоне, осуждая за побег от реальности, уход от жизни больших городов, успеха, карьеры, бизнеса, свадьбы, детей, тещиных блинов и вообще уютного обывательского мирка. Из зеркала на Аспирина смотрело унылое, осунувшееся лицо с острыми скулами, баками, поросшими щетиной, густой и острой чеченской бородой да мелкими морщинами, покрывавшими в неполные двадцать восемь лет почти все лицо. Тоска. Возможно, подумал Аспирин, в этом побеге в Зону Александр Кормильцев потерял что-то важное. Хотя остался ли вообще Кормильцев? Вот зеркало. В нем бомж с калашом, старая кровать, камуфляжная куртка да «братанское» погоняло. Аспирин. Какой-то кусочек от Кормильцева прежнего наверняка еще оставался. Он и смотрел в это отражение. Сталкер Аспирин, не Кормильцев. Кормильцев лишь оболочка, живущая в предбаннике на самой грани Разлома. Душа же навсегда затерялась, не отыскать.

От размышлений Аспирина оторвал настойчивый стук в дверь.

– Аспирин, подъем! – раздался за мазонитовым полотном знакомый до оскотины голос хозяина гостиницы Рыжняка. – Сколько можно долбиться? Сейчас свой ключ принесу, у меня запасники от всех комнат, забыл? Саша, не тупи, отпирай!

Голос Рыжего звучал настойчиво, так что ничего не осталось, кроме как послать лесом философию и идти «отпирать». Кровать скрипнула, ноги лениво сползли на пол. Сталкер помассировал лицо, нехотя привстал, мельком глянул в окно. Окончательно стемнело. Покачиваясь, как алкоголик с похмелья, Александр добрел до двери, на ощупь нашел ключ на полке, вставил в замок и провернул язычки.

– Твою мать, Анатолий. Ну и чё такого безотлагательного?

– Дело есть, Саня, дело! – залихватски хлопнул его Рыжняк по предплечью. – Иначе не стал бы тревожить, сам знаешь.

Аспирин моргнул. Поскольку в комнате было темновато, сталкер привычно нащупал спички и зажег оплывшую свечу, стоявшую на той же полочке возле входной двери. От генераторов освещение подключалось только в центральном зале. Гостевые комнаты обходились свечками да фонариками. Перенеся кружку со свечой на стул в центр комнаты, Аспирин буркнул:

– Если ты по части этих Кешиных «туристаф», сразу отвали, ладно? Я еще два дня к Разлому ни ногой. Бабло есть, а значит, у меня выходные. Андерстенд?

– Отставить базар! – Толя втолкнул приятеля в комнату, и Аспирин невольно отступил назад, запуская гостя. Рыжий прошел до кровати, уселся на край. В зловещем огоньке свечи его лицо выглядело как у мертвого. Рыжняк посмотрел исподлобья, как всегда хмурый, но сейчас почему-то сильно возбужденный. – Начну издалека. Ваша патрицианская голубая кровь удовлетворена телячьим антрекотом, который Почтовый пер для тебя двести кэ-мэ? – спросил Рыжняк, напоминая о долге.

– Удовлетворена, – нагло сказал Аспирин. – А вот за «голубую» дам в рожу.

– Я символически, ты понимаешь, – заявил, оправдываясь, Рыжняк.

– И я символически – чтобы нос торчал из затылка.

– Ладно, проехали! – Рыжняк примирительно поднял руки. – Я смотрю, ты так и не расстилаешь? – Он кивнул на покрывало. – Привычка спать в одежде у тебя в комплекс превращается, ей-богу. Смотри, психбольнички рядом нет, только кладбище.

Аспирин вздохнул, прошлепал босиком до родной койки и уселся рядом с товарищем. Последний раз они беседовали в этой же комнате с глазу на глаз несколько месяцев назад,

тогда же Почтовый принес с очередной посылкой хорошего коньяку. «Тогда хоть повод был, – вздохнул Аспирин, – а сейчас, среди ночи, что за повод?»

– Нормальный комплекс, – ответил сталкер, отпуская неоконченную мысль. – Дело не в нем, а во мне.

– Чудиков тоже вести не хочешь, раз дело в тебе? – резко сменил тему Рыжняк.

– Ты о чем?

– О том, что внизу за контракт с этими мудозвонами чуть не перестрелялись. А ты тут рожей щелкаешь, как последний фраер.

– Ты про цветных «туристаф»? С ними контракт, что ли?

– Про них. А тебе, я смотрю, не в жилу странные заказчики?

Сталкера при этом вопросе передернуло. Заказчики и правда были ему «не в жилу». Стоит потащить таких за собой в Зону, сразу все – двенадцать мертвяков на счету. А подобный груз на душе излишний.

– Толя, ты бы сам их повел? – задал встречный вопрос Аспирин, искоса наблюдая за реакцией старого приятеля.

– Не-а, – честно признался Рыжий. – Я этих придурков передудил бы всех по дороге, чтобы не мучались. Но это не меня называют самым надежным проводником в Тончоне.

– Так уж и называют?

– Так уж и называют. В общем, улавливаешь, о чем я?

Аспирин фыркнул. Ведь чувствовал же, что собеседник не откажется от идеи, которую Аспирин теперь должен принять, раз его просит *сам Рыжий*. «Батяня всех сталкеров, мать его», – раздумывал Аспирин, глядя на Рыжняка.

Размышляя, как отказать, Аспирин понял, что сонливость прошла. Тело было бодрым, и сна ни в одном глазу не осталось. Мысленно сплюнув с досады, Аспирин поднялся, прошел до двери и принялся обувать перед Рыжняком тяжеленные ботинки.

– Лирика, Толя, – наконец обронил Аспирин, выпрямляясь. И повторил по слогам: – Ли-ри-ка. Я даже спрашивать не буду, что там за контракт. Пойдем лучше замахнем.

– Да ты погоди. Послушай. Как ты ушел – а я видел, как ты ушел, – там внизу началась целая бойня. Старшой этих цветастых озвучил *цену*. Так наши, млять, чуть не перемочили друг друга! А поскольку до этого каждый чуть в глаза не ржал всей группе, их старший каждому и припомнил его слова. По итогу ты один, кто не засветился в оскорблениях. Ну, из спецов по ходам к Разлому. Ты же профи, нет? Я не ошибся комнатой?

– Ну, понятно, мля, – расстроено протянул Аспирин, – скажи, а ты-то чего подписался меня уговаривать? Мне, конечно, приятно, что ты осознаешь тайный смысл моего благородного прозвища, но полизывать свое эго я как-то не приучен. Тебе-то чё, пойду я с этими уродцами или нет?

– Они мне лаве за кандидата обещали, – простодушно объявил Рыжий. – Кругленько так, ровно на достройку третьего этажа. Бизнес расширять буду, то-сё. В общем, Сань, не гони. Эти мудаки реально баблом сорят почем зря. Ты ведь поможешь мне, брат, я верю.

– А вот я ни хера! – как можно резче отрезал Саня.

Рыжняк прищурился с хитрой мордой:

– Чё, даже цену услышать не хочешь?

– Дело не в лаве, – пояснил Аспирин. – Хароном не хочу стать.

– Кем?

– Хероном! – выругался Саня. – Был такой проводник через реку смерти в доисторической, так сказать, Греции. Все, кого возил через речку, прибывали на другой берег, так сказать, дохлыми. Ну, это у него. А в моем случае лучше утопить пассажиров сразу после отплытия, дабы не мучались в процессе, так сказать, транспортировки. Андерстенд?

– Чё, лодка дырявая была, что ли? – искренне удивился Рыжняк. – Или мочил всех по дороге? Ты это, завязывай с чикатильскими байками.

Аспирин сокрушенно помотал головой. Было ясно, что аналогия и символизм не являются сильными сторонами его приятеля-барыги.

– Толик, – нравоучительно произнес он, – пассажиры у тебя буйные. И толка с них не будет. И я за всей группой сразу не услежу. Много их просто, и все мударасы, андерстенд? Слушай, а чего это я тебе все это рассказываю, а? Сам не видишь, что ли?!

– Да твое какое дело, кто как себя вести будет? – вкрадчиво ответил Толян вместо ответа. – Они наперед платят, все деньги – сразу. Прикинь: не ученые, не разведчики. Так, искатели приключений на пятую точку. Их никто не хватится. Пошли добровольно. Следовательно, никаких претензий к тебе нет. Сам, главное, вернись и все!

– Ты же знаешь, я не могу так, – покачал головой Аспирин, – и вообще. Почтовый все это замутил, пусть сам расхлебывает. Думаю, провести группу, дать ей сдохнуть, а потом вернуться и забрать бабло сможет каждый. Если совесть не обосрется.

– Кеша не сталкер! – сказал Рыжняк жестче. – И не начинай этот базар! Хотел бы мой ушлёпок сталкерить – давно бы начал. А вернее – сдох бы давно. Больно бережливый он отношению к своей персоне. Да мне ли тебе про него говорить?

Аспирин мотнул головой.

– Толя, да ты не говори, – сказал он. – Если не хочешь Почтового посылать, собери группу. Хоть от мутантов эти придурки отобьются. Хоть в первый день.

Рыжняк выдохнул.

– Янсен не хочет группу, – ответил он, – говорит, проводник должен быть один. Они, типа, так привыкли. Сафари, элитные туры по Европам, Азиям и прочим лазурным берегам Антарктиды.

– Янсен? – Непривычное имя резануло Аспирину ухо, и он поднял голову. – Что еще нахрен за Янсен? Почему не Джон? Почему не Ли? Руководитель группы?

– Да, их старшой.

– И откуда приперся? А-ах! – Саня махнул рукой. – Впрочем, мне насрать, откуда он приперся. Ты вообще рассказал им, что их ждет в зоне Разлома в плане безопасности? Сафари? Элитные туры по европам-азиям? А радиация, твою за ногу, включена в путевку?

– Да рассказал, рассказал, – отмахнулся Толик. – А толку? В общем, вернемся к группе. Сам знаешь, количество бойцов за границей периметра ничего не значит. Проблем будет ровно столько, сколько способен выдержать каждый из участников. Будет группа – дерьма хватит на всю группу. Будет один – хватит на одного. Так что отрубай эту пластинку! Клиент платит. Платит, Саня, платит! Как ты там говоришь? «Андерстенд?»

– Да при чем тут бабки? – огрызнулся Аспирин. – Я их из принципа не поведу. Это не исследователи, не ученые, ты сам сказал. Они вообще ни в чем не нуждаются по жизни. Это зажавшиеся уроды, которые пришли позырить на чудеса. С видеокамерами, фотоаппаратами! Как будто Разлом даст им снимать... Таких он не любит, сам знаешь. И вообще я суеверный. Ты хочешь, чтобы эта гребаная нелюбовь распространилась на меня?

– Чё ты мне лечишь, а?! – взбеленился Толик. – Не нравятся они тебе, ну так не трахай никого, вроде не прошу! Каждый имеет право побывать в Зоне. Каждый. И они тоже. Почему нет?! Ты чё, самый правильный стал в предбаннике? И чё это за нытье про любовь-нелюбовь? Раньше в Зону без всяких суеверий ходили и ни хрена, выживали. Чутье, сталкер, чутье развивай! Не гони, не лечи, добывай хабар. И Зона ответит доб-ро-же-ла-тель-но.

– Да уж, да уж, – Аспирин задумчиво почесал лоб, – доброжелательно, говоришь? А по мне, Толя, совсем не та стала зона... Совсем не та, Рыжий, совсем не та... Злее, бескомпромиснее, что ли? Она словно адаптируется под людей. Она настроилась на нас, на наши повадки, наше хваленое сталкерское чутье... И мне кажется, мы сами ее изменили. Показали

свое нутро. И знаешь... хреновое у нас нутро. Вперед за хабаром, мля! Бабло побеждает зло! Это не то, Толя, не то. По крайней мере за себя говорю. Лаве... Ладно! В общем, я не возьму этих придурков.

Хозяин бара показушно вздохнул. Старые приятели помолчали, затянув паузу довольно надолго. Наконец, спустя почти пару минут, Рыжняк сдался, поверженный старой дружбой.

– Ну хрен с тобой, – сказал он, хлопнув Аспирина по плечу. – Может, ты и прав. Пусть идут в жопу или катятся в свою Америку с ихними деньгами. Или в Норвегию? В общем, пусть увидят, что у русских не все продается. Так ведь?

Аспирин усмехнулся. Слышать патриотические нотки в речи человека с погонялом Рыжняк было свежо и экзотично. Толик был ушлый лис. Точнее, волк. Даром что внешность у него была неброская.

– Рад, что ты меня понял, – осторожно обронил Аспирин.

– Ага, – кивнул Толя. – Пусть лесом все идет. Люди, бабки, репутация. У нас же хренова туча поставщиков и проводников, бродяги по периметру нам в ноги кланяются. Любому могу в лицо плюнуть. Вытрется и просит жратвы с выпивкой, ни фига. Правда, эти – другие...

– Эти – проблема Почтового, – спокойно напомнил Аспирин.

– С тех пор как они перешли периметр, они наша общая проблема, Санёк! – Не выдержал собеседник. – Так что ложись-ка спать, а утром поведешь эту чертову дюжину к Разлому. Их двенадцать плюс ты. Как раз тринадцать – «чертова дюжина». Ты суеверный?

– Я не поведу их, Толя, я же сказал.

Старый приятель вдруг разозлился.

– Тогда ноги твоей больше не будет в моем заведении! – неожиданно резко прорычал Рыжняк. – И каждый сталкер волком на тебя смотреть будет. И в глупости обвинять, что за ТАКОЙ заказ не взялся. И в трусости! Не выводите меня, Саня. Не роняй мне репутацию лучше. Жизнь накажет, Сань. Ох, как накажет!

– Репутацию, – обронил Аспирин. – Раньше ты больше о чести думал, Толян. Мы же все равнялись на тебя. На тебя и Хохмача. Он ушел, так ты единственный остался. А теперь что?

– Честь, репутация, – презрительно обронил Рыжняк, и Аспирин вдруг понял, как хозяин гостиницы не похож на прежнего веселого сталкера. – Взрослеть пора, Саня. Пацаном ты из Владика пришел, пацаном и сдохнешь!

Аспирин снова помолчал, потом поднялся и, оттолкнув Рыжняка плечом, проплелся к двери. На самом входе скупобронил:

– Вижу, что не одна Зона меняется, братан.

Анатолий поднялся с кровати, сделал несколько шагов по комнате и застыл перед собеседником, несмотря ни на что, все же ожидая ответа. Таким странным Аспирин его никогда не видел прежде. По обыкновению, спокойный, трезво рассуждающий, уверенный в себе хозяин жизни и положения, Толик в один миг превратился в дерганого, истеричного хилого мужичка с бегающими глазками. И это превращение выглядело противно – ведь речь шла всего лишь о щедрой плате за ходку. Остро захотелось оставить весь этот гребаный мирок, в один момент из уютного гнездышка превратившийся в незнакомое место. Неужели всему виной бабки? Что такого мог этот Янсен предложить, чтобы *так* повлиять на старого друга?

– Ладно, я поведу их, – выдавил из себя Аспирин, все же подчинившись той «дружбе», что должна была минуту назад, как казалось, убедить Толяна. И тусклым голосом добавил: – Но к тебе больше не вернусь. Приведу их, заберу лаве и свалю в Ким-Чхэк. Андерстенд?

Глаза Толика, на миг вспыхнувшие при первых словах радостной искрой, потухли. Он скорее заставил себя произнести:

– Хорошо, сходи и вали... Это твое решение.

И все сказано.

Повернувшись на каменных ногах, Анатолий вышел в коридор. По струганым доскам послышалась скрипучая поступь. Саня прикрыл за бывшим приятелем дверь, но стоял еще довольно долго, пытаясь понять, что произошло.

Пальцы наконец коснулись пламени свечи, и комната погрузилась во мрак.

Вновь скинув ботинки, сталкер прошел до кровати, откинул покрывало. Взял одеяло и, укутавшись в него так, будто тревожил дикий холод, лег. Очень хотелось уснуть и проснуться в том прежнем мире, который был до того, как явилась эта дюжина разрушителей. Определенно, есть люди-творцы и люди-разрушители. А проще сказать – люди нормальные и люди-мударасы. Вот эти последние как раз из таких.

– Тур-ристы, – задумчиво пробурчал Аспирин.

Его охватило тягостное предчувствие.

* * *

Еще не взошло солнце, как Аспирин уже сидел в освещенной зале и собирал необходимое для похода. Комплект включал в себя множество разнообразных предметов: сухой паек на три дня, саморазогревающиеся консервы, патроны, походный котелок (он же «посуда»), гайки, аптечку, соль, гаджет-фонарик (цепляющийся на бошку), любимую сковородочку, маленький топор, несколько коробков спичек в презервативе, чтобы не отсырели, антирадин, обеззараживающие грязную или радиационную воду таблетки, таблетки на все случаи жизни, включая (о да!) аспирин и анальгин, небольшую флягу со спиртом (мало ли что?), сухое горючее, покрывало, иголку с нитками, ножницы, моток бечевы и прочие небольшие, но весьма полезные мелочи. Стандартный набор, отточенный многолетним опытом блуждания по помойкам Зоны.

Аспирин не брал с собой лишь палатку и одеяло, поскольку старался в Зоне не ночевать. Ночь в клетке с голодным гризли представлялась более безопасной. Тех сталкеров, кому удавалось пережить в зоне Разлома *ночь*, Аспирин уважал безмерно, но сам, по возможности, следовать примеру благородных идалго не спешил. Жизнь ведь одна, так ее за ногу. Однако фонарь Аспирин брал с собой всегда. В Зоне и днем приходилось лазить по таким норам, что без света – гитлер капут.

– Чё с погодой? – бросил Аспирин суetyающемуся за барной стойкой Почтовому. Тот между тем комплектовал походный набор для остальных двенадцати участников самоубийственного мероприятия. Как и предполагал Аспирин, почти все, что придурки-иностранцы понабирали с собой за периметр, являлось ненужным хламом. Ясно, Рыжняк списал «туристаф» в разряд погибших, но, по мнению Аспирина, перед смертью несчастных идиотов следовало хотя бы по-человечески снарядить. А то совсем будто отпели. Нехорошо-с.

– Дождь лил всю ночь, – буркнул Почтовый, глядя на Аспирина честным пионерским взором, – лужи, мать их.

У некоторых сталкеров в комплекте было наручное радио, внешне неотличимое от простых китайских часов, покупаемых в Муданьцзяне за полтос деревянных. Оно (иначе китайские часы назвать было невозможно) было способно ловить переговоры по рациям на небольшом удалении от объекта. Аспирин такой гебешной шняги не любил.

Раз на улице после дождя сыро, сталкер решил напялить резиновые сапоги вместо привычных армейских ботинок на шнуровке. В сапогах шлепать не комильфо, однако не ботинками же месить дерьмо в болотах. Главное, бродить в сапогах по болотам и сопкам можно, а вот бегать весьма неудобно. Бегать же в зоне приходится часто, вернее, драпать, спасать свой зад. Аспирин покачал головой. «Вот непруха, – подумал он. – Дождь этот. Словно все к одному!»

Вздыхнув, сталкер привычно проверил в кармане спецовки швейцарский нож, разложил в удобном порядке рожки для автомата (позже они нацепятся на спецовку, чтобы были под рукой), проверил пару эргэдэшек в под сумке, противогаз на плече, флягу с водой на ремennom поясе. Все было на месте. Сам сталкер облачился в цифровой камуфляж (штаны и куртка с жилетом-спецовкой поверх), руки в кожаных перчатках-беспальцовках, на башке – бандана замызганного, когда-то черного цвета. Бандана, как почти все походное имущество Аспирина, годилась для выполнения разнообразных функций. В частности, играла роль платка, полотенца, бинта для быстрой перевязки ран и мягкой шины для переломов и растяжений. Кроме того, на ней можно было сидеть.

Поверх банданы широкий лоб Аспирина украшали темные пластиковые очки. От вспышек света и некоторых аномалий это было незаменимое средство, хотя примитивное. У вояк в разработке имелись специальные очки-приборы, очень плотные и гарантирующие серьезную защиту. Но в них, по мнению Сани, ни хера было не видеть, особенно в сумерках и при плохой погоде. Посему его величество Аспирин предпочитал дешевый вьетнамский пластик для пляжников, а не научные разработки Министерства обороны.

Как только Аспирин нацепил очки, входная дверь скрипнула, и на пороге появился сталкер Орех, промокший с головы до ног, как мартышка-летун после течи.

– Не, мля, чё за непруха? – многоудро заявил он. – Собрался с утра прогуляться, и на тебе – дождяра. А как воротился, так перестал. Вот сучья напасть, хоть зонтик бери! Шутит Зона, как всегда, в тему.

– А вот не хрен в Зону шастать, когда заказ на другое лицо оформлен, – брякнул из-за стойки Почтовый.

– Да ты чё? – притухнув, возмутился Орех. – Не гони, а? Я два дня как собирался уже. Задолго до твоих «туристаф». Мне чужого не надо. Пацаны знают!

– Ладно, расслабься. Иди сюда, чайку, что ли, глотни, – сменил гнев на милость Почтовый, – растаскалось тут бродяг болотных...

Орех был не первым, кто отправился в Зону по ночи, надеясь по одним им ведомым причинам перехватить, если что, группу Аспирина. Разве что прочие ушли в дождевиках, а туповатый Орех поперся в дождик, как на прогулку.

Аспирин сплюнул. Если ливень, почти неслышный за оконными стеклопакетами, еще идет, придется и ему дождевик надевать. С дождевиком карманы не под рукой. Неудобно. Ёлки, почему надо идти именно сегодня? Подождали бы пару дней, посидели в тепле. А там, глядишь, одумались бы туристы, наслушавшись местных баек.

Тут, однако, Аспирин задумался. А в натуре? Почему надо идти именно сейчас? Бессонница после слов Рыжняка ему покоя не дает? Добродушные глазки прочих сталкеров, услышавших краем уха сумму сделки, затылок чешут? Или только идиотское нетерпение самих «туристаф»?

Скорее всего все вместе.

Рассказ Почтового, что в зоне Аспирин будет сегодня не один, совсем не радовал. Не хватало только с пацанами перестреляться из-за этих импортных балбесов. Тоже, что ли, из-за денег мозги растеряли, как Рыжий? Или в натуре скользкая дорожка прибыльнее?

Едва полный рюкзак затянул тесемки, а старый АКМ, надежный, как лом, принял в себя полный рожок, со второго этажа хотела спустилась стайка «туристаф». По виду и поведению чувачки выглядели как группа первоклассных клоунов. Глядя на них, хотелось только двух вещей – ржать, а потом рыдать.

Впрочем, Аспирину как раз было не до смеха.

Туристы *настаивали* на срочном выходе именно сегодня. Но, как ни смешно, зевая во все тридцать два зуба, туристы не понимали, зачем для выхода в рейд подниматься в

такую рань. Мсье Рыжняк мог разбудить и попозже, ведь почти только легли, заслушавшись допоздна Янсена, излагавшего спутникам, надо полагать, подробности сделки.

Походу, только предводитель «туристаф» знал русский язык достаточно, чтобы на нем базарить, а не спрашивать цену газировки во Владивостоке. Прочие, слыша великий могучий из уст окружающих, лишь кивали и улыбались. Но Аспирин не улавливал звуков английской речи. На каком они вообще разговаривали? Европейцы же. Если не английский, то французский? Если не французский, то немецкий? А может, испанский, итальянский, португальский? Венгерский, в конце концов? Ни на что из перечисленных не походило. Впрочем, за «венгерский» Аспирин ручаться не мог. Кручинясь все сильнее, сталкер принялся осматривать будущих спутников.

Если вчерашний беглый взгляд говорил о спутниках как о проблеме, то теперь при тщательном осмотре все оказалось гораздо хуже – проблемище!

У каждого второго в рюкзаке за плечами лежала палатка, у каждого первого переносной стульчик. Нетрудно догадаться, что имелся и столик.

«Идиоты. На пикник собрались», – скалился Аспирин. Чувачки определенно не понимали, куда идут. Разве что герр Янсен. Тот выглядел очень серьезным и собранным для идиота. Даже немного суровым. Но суровый идиот – тоже идиот, так?

В руках у «туристаф» находилась разнообразная аппаратура. Рыжий запретил снимать лица сталкеров и свое заведение, ибо каждый сталкер заочно опасался уголовного преследования. Но Аспирин понимал, что на улице туристам дай только волю – будут фотографировать и снимать все подряд. Еще в первые годы существования зоны Разлома в конституции окружающих ее стран были внесены особые статьи «за сталкерство», подразумевавшие немалые сроки в колониях. Аспирина передернуло при мысли о том, что его рожа будет запечатлена на двенадцать мыльниц и видеокамер.

Подконтрольная группа включала семь мужчин и пять женщин. Женщин вообще не рекомендовалось таскать за периметр, но делать разницу между «гостями» Аспирин не спешил. Трое мужчин-иностранцев вполне походили на женщин: носили длинные волосы, разве что в косы не заплетали, и вид имели ухоженный, лощеный, почти блестящий от безделья и чистоты. Гомики, одно слово. Конечно, каждый сходит с ума как хочет, его дело, Аспирин не имел каких-то фундаментальных претензий к лицам подобной ориентации, но один факт его сильно настораживал: чувачки явно собирались в зоне *ночевать*. К пикнику добавлялся кемпинг, а уж он в планы Аспирина не входил никак. Оставалось только эпитафию заказать или взять в прокат станковый пулемет, чтобы если сдохнуть, то музыкально.

– Нет, я на такое в натуре не подписывался, – буркнул Аспирин себе под нос и потопал до офиса Рыжняка, дабы высказать все, что думает про «туристаф» и саму «миссен инпо-себл» в свете новых обстоятельств.

К черту деньги! Топать к Разлому с этими верочными трупами – все равно что воткнуть нож себе в глаз и рассчитывать, будто заживет.

– Толя, мля! Отзовись! – заорал сталкер, подваливая к барной стойке.

Хозяин заведения выглянул и помахал Аспирину ручкой, зазывая на кухню (там находился закуток, именовавшийся «кабинетом»), а также, по всей видимости, не желая выяснения отношений при клиентах.

– Только не ори, не ори, сам все знаю, – начал шепотом Рыжий.

– Да ни хера ты не знаешь! – с ходу обронил Саша. – Они же без оружия идут! Они еще и ночевать в Зоне собрались, ты в курсе? Ты же знаешь, *там* я не ночую. Иди-ка сам с ними, а?

– Янсен в прошлом *капитан*, – обнадежил Рыжняк. – При пистолете. «Глок-17», твою мать, не «Макарыч» наш задрипанный. Хорошая штука, подсобит.

– Кому подсобит? Для чего подсобит? Застрелиться подсобит? Чё, настолько клевый этот Глок-17, что лучше калаша нашего с двумя рожками? Да он максимум единичного мутанта завалит, и то если охеренно повезет! И чё мне этот буюв пистолет? Я тебе за ночевку толкую!

– Тише-тише, не ори. – Толя повернулся в сторону «туристаф» и улыбнулся. Те приветливо помахали ладошками, делая вид, что все великолепно и вообще они довольны сервисом. – Ты чего взбеленился-то? Сейчас сядем, все обсудим. Нормально будет, Сань. Пойдем кофейку попьем, успокоишься.

– Да в жопу чаек твой, ты мне зубы не заговаривай, – ответил Аспирин, чувствуя тем не менее, что вежливый тон Рыжняка выдавливает из него столь нужное для беседы чувство гнева. – Ладно, где служил твой *капитан*? Ты это хотя бы знаешь? Морской, что ль?

Толя замолчал, словно раздумывая, сказать ли... Что-то взвесил для себя и только потом открыл рот.

– Голубые каски НАТО, – выдавил он.

– Чё?! Мля-а... Да ты в натуре обуел? – заорал Аспирин. – Мозамбик? Ливан? Никарагуа? Миротворцы как проститутки – бывшими не бывают! Чё еще за НАТО в наших краях?

– А тебе есть разница?! – взъярился в ответ Рыжний. – Ты с ним бухать собрался или в бане девок жарить? Просто сделай свое дело, и все. Больше от тебя не требуется ни хрена!

– Не, слушай, я точно с собой еще РПГ прихвачу, чтоб концы отдать под фанфары. Ну, раз такая удача, а? Чё, бабки взял и теперь все равно, вернемся мы или нет?

Толик сложил руки на груди, без труда выдержал тяжелый взгляд сталкера и сказал:

– Не скули, шутка юмора. Задача – примитив, а ты жути нагоняешь.

– Да пошел ты!

– Это ты пойдешь далеко и надолго, если будешь так со мной базарить, – посерьезнел Рыжий. – Собирайтесь и валите. И без всякого нытья! Позоришь меня, Саня, и только. Выведи их в Зону на пару кэмэ и вали обратно. Контракт типа выполнен. А с кемпингом – пресеки на хрен. А о том, что ты в Зоне не ночуешь, там им и заявишь. Так пойдет?!

Рыжний зыркнул на туристов и снова дежурно улыбнулся – придурки при виде его улыбочивой физиономии продолжали демонстрировать зубы.

– Толя-я... – выдавил Аспирин. – Ты не прав. Ой как не прав.

Рыжний на его удивление ответил с куда меньшей бодростью в голосе:

– Может, и не прав. Однако... поздно уже, типа, рыпаться, Саня. Аванс оприходован. Разумел? Топай!

Аспирин обреченно повернулся к сусликам и брякнул через плечо:

– Ладно, хрен с тобой. Но все на твоей совести, душегуб. Тебе отмаливать, если сгинут. Двенадцать человек... А, блин! Знакомь, что ли.

– Янсена ты знаешь, – сухо произнес Рыжий, показывая на «капитана» грязным указательным пальцем. – За остальных, увы, ничего поведать не могу. Имен и фамилий они не называли, паспортов не показывали, а погоняла для удобства придумаешь сам по ходу.

– По ходу сам придумаю, – согласился Аспирин, – однако спорим, что Янсен тоже ни хрена не имя, а как раз кличка, причем дурацкая. Ариец буюв.

– Да не, его в натуре так зовут, – обидчиво обронил Рыжий, но тут же спохватился. – Слушай, не морочь мне голову, ладно? Какая, черт, разница нормальная кличка или нет? Разберешься. Впервой, что ли, на тупняк наткаться?

Не глядя на приятеля, Аспирин сплюнул на пол. И, сочтя бесполезный разговор оконченным, покандыбал к группе смертничков. Кивнул Янсону, игнорируя протянутую руку. Ибо с трупаками здороваться – самому долго не протянуть.

– Май нэйм из Аспирин, – выцедил сталкер сквозь зубы, тыкая себя в грудь. – Ю андерстенд, твою мать?

– Я немного понимаю русски, – снисходительно кивнул иностранец.

– Ох ты ж, блин, – среагировал Александр. – Ну, это хорошо. Я тогда проще выражусь, сударь, с вашего позволения. Ай эм, так сказать, ваш проводник в Зоне, андерстенд? А по совместительству ваш царь, бог и мистер президент в одной роже. Беспрекословное подчинение моим приказам, так сказать, на животном уровне – главное условие, так сказать, нашей совместной работы. Если хотите, так сказать, *жить*. Но если на жизнь насрать, послушание не обязательно. Андерстенд? Бегать ни за кем не буду и вытаскивать ваши жопы из мутантского пищевода тем более. Андерстенд?

Аспирин посмотрел на Янсена, тот перевел остальным (если это требовалось переводить) и кивнул, очевидно, соглашаясь. Речь Янсена показалась Аспирину странной и очень интересной. «Видимо, язык все же скандинавский, – отметил сталкер, – может, шведский? Но правда, какая хрен разница? С другой стороны, им удобно переговариваться между собой, я ведь ни слова не понимаю. Вот замутят меня мочить, в открытую обсуждать станут, а я и не врублюсь».

Переважив очередной кусок свалившегося на него счастья, Аспирин ощутил легкое беспокойство. «Сука все же Рыжняк!» – резюмировал он мысленно.

– Ладно, – произнес Аспирин вслух. – Почтовый вас всех укомплектовал?

– Та, – с достоинством ответил Янсен наконец по-русски – только скасал, у нас мноко лишнеко ф рюкзаках. Мы хотим ночевать ф Соне.

– Не придется, – отрезал Саня вопреки совету Рыжняка тянуть с кидаловым по ночевке. – За день нагуляетесь, устанете. А спать в отеле комфортней. Посмотрим, в общем, лады?

К его облегчению, Янсен спорить не стал и просто кивнул. Потом махнул рукой приятелям, подавая знак к выступлению. Аспирин не видел, как вздохнул Почтовый, провожая взглядом группу из-за барной стойки. Но чувство, что идет на собственные похороны, не покидало сталкера долго.

Они оставили отель, миновали КПП погранцов, обойдя за пару сотен метров знакомой тропкой. Тропка была общеизвестной, и погранцы, естественно, о ней знали. Более того, тропа великолепным образом простреливалась с КПП. Тем не менее волшебное могущество рыжняковских денег делало тропу невидимой, и о ее существовании официальная Москва (уж тем более официальная Женева) не знала. Подобное отношение к защите периметра имело место только в северной его части. Ни Канада, ни Штаты, ни тем более японцы, контролировавшие южные переходы, подобной халатности не допускали. Поэтому проникнуть в зону Разлома можно было лишь через китайский и российский отрезки периметра. Большинство нелегалов соответственно перло в зону именно здесь, в Тончоне, или через китайский Хёсан. Русским сталкерам, мигрантам и мелким «пизнесменам», живо перекочевавшим к Разлому из Приморья и Хабары, подобная ситуация приносила нехилый доход. Различным иностранным организациям и частным лицам – преимущественно, кстати, европейским и американским – позволяла противозаконно, но без риска уголовного преследования проникать к Разлому. Всех, слава богу, такая прозрачность северной границы устраивала. Может, к счастью, а может, нет.

Очень скоро КПП скрылся из виду, и сталкер со спутниками заковыляли свободно – по холмистой местности, густо поросшей пихтой и корейской сосной. Все было хорошо, но внутри Аспирина странное чувство тревоги нарастало с каждым шагом. Впервые Аспирин не понимал, почему не прислушивается к этому чувству опасности, начисто игнорируя собственную интуицию по нелепому приказу бывшего приятеля. Сырая глина, глубокие лужи и размокшая земля замедляли движение отряда, но в целом первые часы пути они прошли относительно комфортно, споро. Топать в сапогах по склизкой грязи было приемлемым, на взгляд сталкера, вариантом; Янсен и еще пара человек носили ботинки, вместо сапог, и, воз-

можно, их ноги постепенно пропитывались влагой. Но на данный момент никто не жаловался.

Несмотря на тяжесть поклажи за плечами, тринадцать человек шагали по предбаннику на удивление бодро. Это не могло не настораживать. Кроме того, вся группа пребывала уже несколько часов в гробовом молчании. Понятно, большинство интуристов просто не знали, как обратиться к проводнику, думал Аспирин, но даже Янсен не сказал ни слова. А ведь сталкер ожидал докучающих вопросов, что должны были потоком литься из «туристаф», оказавшихся на пороге самого интересного места в мире.

Аспирин прибавил скорости, ожидая быстрой реакции. Однако ничего не произошло. Все молча ускорились. По отсутствию отдышки и красных лиц сталкер с уверенностью мог сказать, что у всех членов группы отменная физическая подготовка. Спортсмены? Хорошо бы. А что, если не спортсмены? Знать бы, что туристы опытные, исходили леса, поля, пустыни, горы, но казалось, в спину дышит взвод «морских котиков». Впрочем, как морские котики сочетаются с длинными волосами у интуристов-мужчин? В общем, спортивная подготовка группы заставляла беспокоиться. Ни жалобных стонов, ни просьб сбавить темп не было. А рюкзаки-то тяжелые. Что именно имел в виду Кеша-Почтовый, когда говорил, что в рюкзаках много лишнего? Может, оружие тащат? Или научное оборудование? Рыжнюк, гнида, ни слова не сказал. Хотя, с другой стороны, Толя последнюю ночь сам не свой. Не могли же, в конце концов, на старого приятеля так повлиять всего лишь деньги? Тогда что, угрозы? По внешнему виду не скажешь, что эти двенадцать могут кому-то угрожать, хотя... внешний вид обманчив.

Сталкер крепче прижал автомат к груди. Придется довериться только ему. Если один из группы «туристаф» офицер НАТО, остальные стоят по чину недалеко. И на общепринятом английском не говорят как раз, чтобы проводник не понимал. Английский знает много людей, а вот шведский... Если это шведский.

Чем ближе от предбанника к Зоне, тем хуже становилось у Аспирина на душе. Он никогда не ходил в эти земли в таком расшатанном состоянии. Весь мир с момента появления «туристаф» будто перевернулся. Не то чтобы упал и разбился, но скосбочился по-уродски. Всемирный заговор, не иначе. Вот только если Аспирин ведет за собой военных профи, на кой черт он лично им сдался? Собака-поводырь, которую можно грохнуть, коли начнет понимать человеческую речь? А почему нет? Вполне себе вариант. Нет, Рыжнюк определенно сука, хотя и кореш.

До Зоны оставалась сотня метров, когда Аспирин остановился и, повернувшись к группе, дал первый инструктаж. Он чувствовал, что обязан что-то сказать, раз играет проводника. Иначе будет выглядеть подозрительно. Хотя кто бы говорил про подозрительность? За приклеенными улыбками «туристаф» прятались пронзительно-пристальные взгляды. Они тоже оценивали его – его, Аспирина, по множеству показателей: мимические реакции, поведение, тональность голоса, манера говорить. Поборов приступ неожиданно нахлынувшей робости (кого он вообще ведет в Зону?), сталкер глубоко вздохнул и не менее глубоко выдохнул, наполняя разгоряченные легкие кислородом.

– Короткий привал. – С этими словами сталкер бросил рюкзак на землю. И сразу спросил: – Янсен, а откуда вы приперлись? Я не понимаю вашего языка. Вроде не английский, верно?

– В основном из Норвегии. – Предводитель «туристаф» также скинул рюкзак и уселся на него, как в национальном парке где-нибудь напротив Большого Каньона. Ни отдышки, ни видимой усталости он не показал.

«Значит, норвежский?» – прикинул Аспирин. Как бы ни было, Янсен говорил на русском сносно, только акцент выдавал «иностранность». А так – вполне себе «андерстенд».

– Поня-ятно, – протянул сталкер. – Выходит, Скандинавия... Вы, это, во многих странах бывали? Наверное, много повидали? – сделал еще одну попытку разговаривать спутников Аспирин.

– Много кте были, – вновь неопределенно кивнул в ответ Янсен.

При этом «много кте были» угодливое сознание Аспирина почему-то нарисовало горящий Ливан, развороченную ракетами Анголу, свинцовую Иорданию и пыльный Афганистан, а вовсе не пляжи на Мальдивах и Минорке. Вот тебе и Лазурный, мать его, берег. Выходит, точно – вояки или военспецы. Допустим, военные ученые, инженеры, связисты. Шпионы, в конце концов. А может, специалисты по психологической войне или распространению дезинформации. Ликвидаторы. Организаторы терактов и саботажей. Взрывняки. Да мало ли кто?

Так и не дождавшись от Янсена продолжения беседы или пояснений, Саня выждал десять минут, поднялся, вновь накиннул рюкзак и обронил по возможности без эмоций:

– Ладно. Вижу, неразговорчивый ты, Янчик-из-Скандинавии. Давай за мной, след в след. Детекторы не работают, так что придется по старинке, вслепую. Своим растолкуй, чтобы не тупили.

Сказал Аспирин как можно увереннее, но самой уверенности оставалось катастрофически мало.

«Попал так попал, – стучало в голове, – впрочем, буйня. Где наша не пропадала?»

Мертвые сопки определили начало зоны Разлома тревожными отметками на циферблате часов. Будь у кого приборы имени Ганса Вильгельмовича Гейгера, туристы бы проявили бдительность. Но Аспирин не разглядел на импортных рожицах признаков паники. Стало быть, не врубились либо делают вид, что радиметров у них нет.

Сделав в мозгу еще одну кривую зарубочку, Аспирин продолжал шагать. Сам он отлично знал, что мертвые сопки показывают неправильный уровень радиации. Много лет назад еще первые ученые определили, что здесь нет остаточного излучения. Какая-то сила действует на сами счетчики Гейгера, те начинают шалить и показывать чешую. Не связано ли спокойствие туристов со знанием этого факта? Или Рыжняк предупредил их, что рядом с периметром радиации нет?

Тревожная головоломка. То ли туристы снабжены информацией о Зоне в гораздо большей степени, чем пытаются показать, то ли Аспирин себя накручивает, заочно пытаясь доказать, что вся группа – злодеи. Но на фига? Чтобы оправдать их скорые смерти? Возможно. Только не получится ли так, что единственным трупом станет он? Аспирина одолевали сомнения, что пистолет имеется только у герра Янсена. В таких шикарных походных рюкзаках можно нести помповуху двенадцатого калибра в разобранном виде.

Зона приняла на свою территорию гостей, когда солнце только-только показалось из-за деревьев. Первые лучи рассвета сгладили мрачное впечатление от сырости, вновь подул ветер, принося свежий как никогда воздух. Ветер словно пытался отыграться за то, что не дул в предбаннике, и теперь вволю резвился над Зоной, разгоняя дымку и обнажая приветливое дневное светило. Помимо потоков свежести, так радовавшей Аспирина, ветер попутно отгонял комаров, которые никак себя не проявляли в предбаннике, но вдоволь копошились на склонах мертвых сопки, заросших травой и мокрых от росы.

Против ожиданий сталкера, оказавшись в зоне, туристы не стали снимать все на видео, фотографировать окрестности и запечатлеть друг друга. Если причиной их настойчивого порыва в Зону действительно был *туризм*, нежелание фотографировать и снимать при наличии фото- и видеоаппаратов казалось очень странным. Анализируя подобный загадочный сбой в поведении «туристаф», Аспирин брел молча, припоминая собственные первые походы в Зону, когда надевал противогаз и набрасывал капюшон химзащиты, едва заведя на счетчике показатели выше нормы. Постоянно казалось, что схватит смертельную дозу

и отбросит копыта прямо на месте, так и не познав эту терра инкогнита до конца. Глаза как магнитом притягивало к показаниям счетчика, а ствол автомата дергался на малейший шорох...

Его скандинавские спутники вели себя по-другому.

Спокойно. Казалось, их не волновало ничто. Люди ли это, черт подери? Аспирин не знал никого, кто при первом свидании с Зоной мог относиться к ее сатанинской власти настолько пофигистично. Не-е-ет, тут что-то было не так.

Вспышка света неожиданно ослепила Аспирина сбоку, сталкера подбросило вверх, и он почувствовал, что матерые сапоги уже не касаются болотной глины...

* * *

В сталкера словно врезался воздушный таран. Пропорхав пару метров, Аспирин рухнул на бок, покотившись по траве вместе с рюкзаком.

«Аномалия? Здесь?!» – мелькнула в голове растерянная мыслишка.

Аномалии, разумеется, меняли место дислокации, но наткнуться на одну из них в предбаннике было невозможно. Ведь предбанник – не Зона.

Янсен подошел первым, некоторое время смотрел в расширенные зрачки проводника.

– Ты ф порядке? – Он протянул руку сталкеру. Тот упорно смотрел в небо, прижимая к груди АКМ, как любимую шлюху. В глазах после вспышки порхали колибри.

– Я...да... – Аспирин перевалился на бок, игнорируя протянутую ладонь.

Поднявшись, сталкер посмотрел на тропу, пытаясь осмыслить произошедшее. Туристы аналогичным образом уставились на него. Взгляд Аспирина соскользнул на дождевик. Тот был оплавлен на животе и груди. Тело прошиб пот. Еще сантиметр – и сталкер мог не подняться.

Срывая остатки дождевика, Аспирин напряженно думал. В предбаннике не было крупных аномалий. Во всяком случае, так считалось. И кстати, что это была за аномалия? Если «вспышка», то она только слепит, не жжет. Если «всполох» – то он только жжет, не слепит. Его ослепило и обожгло. Комбинированная аномалия? Абзац. Вот, значит, откуда таранный удар, отправивший его в нокдаун. Свет, температура, да еще и гравитация? Аспирин знал, что сама природа аномалий манит к себе человека, заставляя подойти ближе. За время наблюдений сталкеры определили, что ловушкам Зоны противопоказано отпугивать, они могут только приманивать, тянуть к себе. Но что произошло сейчас? Ведь Аспирина отбросило.

– Происходит что-то странное, – не стал скрывать проводник, поворачиваясь к Янсену. – С Зоной что-то не так. Подобных аномалий здесь просто не может быть.

– Это опасно? – спросил скандинав.

– Черт его знает! – Сталкер пожал плечами. – Во всяком случае, я не могу гарантировать безопасность группы в таких условиях. Думаю, вам лучше вернуться. Вернее, конечно, *нам* лучше вернуться.

Предводитель группы рассмеялся, широко шагнул вперед и дружески похлопал сталкера по плечу, словно за хорошо рассказанный анекдот. Хотя хрен их знает этих «нордических» скандинавов, у них бывают вообще анекдоты? Аспирин, во всяком случае, напрягся. К похлопыванию себя по плечу он относился индифферентно, однако в Зоне проявлять близость подобным способом было не принято даже между друзьями. Мало ли кто в тебя нож воткнет. И за что. Оправдывало Янсена одно соображение – он был иностранцем.

– А... шутка юмора! – произнес тем временем Янсен. – Нет, мы итти тальше. Ты жиф. Расфе нет?

Взгляд у руководителя турпохода был такой, словно он готов скорее сдохнуть, чем отступить. Сталкер огляделся. Лица спутников Янсена производили то же впечатление: упорство, решимость, злость. Даже у женщин. Черт, особенно у женщин.

«В натуре не туристы, – заключил Аспирин. – Туристы бы сдрыгнули при первой мысли о реальной опасности. А эти бодрячком. Если даже пытаться что-то остальным объяснить, а Янсен не переведет, буду как обезьяна, машущая руками».

– Да, – ответил Аспирин холодно. – Жив, слава богу.

– Тогда итём, – подтолкнул в спину Янсен, – все пудет карашо.

Аспирин на автомате шагнул вперед и только спустя секунду осознал: Янсен толкал его, словно конвоир. Аспирин не определил, был ли толчок доброжелательным или его вели как пленника. Но ситуация явно выходила из-под контроля.

Сталкер остановился. Конвоирует его Янсен или нет – ерунда. Если тема встанет ребром, замочить иностранца сталкеру труда не составит. А вот дело свое надо сделать, раз нанялся проводником. Подумав так, Аспирин стянул со спины рюкзак, достал из бокового кармана гайки. Не мочить же иностранца за толчок в спину, в конце концов. И потом, ладно Янсена, остальных за что? За тупые улыбки? За злость и упорство? За свои подозрения, которые ничем не подтверждены? За собственные фобии?

Хрен с ним. Отряд медленно потянулся дальше.

Бредя впереди «туристаф» Аспирин позабыл о странностях спутников и попытался сконцентрироваться на странностях Зоны. Оплеуху она ему отвесила неслабую. Травм не осталось, только дождевик подпалило. Зато впечатление, твою мать, впечатление!

Зона хитрая бестия, никогда и ничего так в ней не происходит. Зона – почти разумное существо. Аспирин вспомнил байку о старом сталкере, про которого рассказывал ему Рыж-няк. Был, говорит, один старик, бывалый зоноходец, сталкер, мать его, словно от рождения. Удачливый и живучий. И вот, значит, просталкерив в Зоне почти две пятилетки, вздумал старичок на покой уйти. Бабок вроде накопил, все путем. Но пошел, придурок, с Зоной прощаться. Дорога она ему была, понимаешь. Да и он ей, насколько выяснилось. Прошел, значит, за границу периметра, буквально метров сто. Поклонился Ей до земли и, собственно, был таков.

Развернулся, вернулся за периметр, и тут на тебе – прямо возле хотеля на него старый тополь рухнул. Днем, среди бела дня, в присутствии очевидцев. Чувак даже трезвый был, что, впрочем, маловероятно. Не отпустила Зона, выходит. Плевать ей на все границы.

Ветер снова пропал, но комары и мошка, на счастье туристов, не появились, хотя сыро было по самые уши, и сиял рассвет. Солнце перетаскивалось через горизонт, осторожно вползало на обглоданные верхушки деревьев. Вид, конечно, нельзя было назвать живописным (голые деревья этому не способствовали), но яркий лучезарный восход, как во все времена в любой точке мира, внушал путникам радостные надежды. На что?

Лично Аспирин подобных надежд не разделял. Будучи сталкером, рассветы и сумерки он не любил. Во всяком случае, рассветы и сумерки – в Зоне. Видимость падала, солнечные лучи ослепляли и отвлекали. Матюкнувшись на проклюнувшее из-за облезлых холмов светило, удрученный Саня опустил на нос солнцезащитные очки и замедлил шаг, напряженно вглядываясь в каждую пядь земли, по которой предстояло топтать.

Отныне Аспирин делал ровно пять шагов, кидал впереди себя гайку и, если ничего не случалось, проходил очередной интервал. Янсен медведем сопел за спиной, прочие неотступно следовали за лидерами. Послушные, как ни одна группа, которую водил за собой Аспирин. А водил он ученых, вояк и вообще до хрена всяких разных. Новых странных туристов дрессировали по особой системе. Какой-нибудь психической подготовки. В физическом смысле Аспирин не отметил особых навыков, кроме выносливости. Да и какие физические навыки (тем более боевые) могли быть у женщин, составлявших половину группы? В спец-

подразделения и диверсионные отряды во всех странах мира по-прежнему брали мужиков, что бы ни твердили по этому поводу феминистки. И все же Аспирин чувствовал, что группа отличается от обычных людей, как отличаются волки и волчицы от псов и собак.

Глаза. Манера общения. Реплики, которыми обмениваются друг с другом. При разговоре почти постоянно улыбаются, но улыбки натянутые, тяжелые, налитые свинцом. Обычные обыватели так себя не ведут.

Какая-то особая обработка. Религиозные фанатики, сектанты? Маньяки? Террористы? Клуб самоубийц? ИРА? Баски? Организация освобождения Палестины? Да что гадать, если никаких доказательств.

Спустя некоторое время туман немного рассеялся и тропа стала видна довольно четко. Поэтому Аспирин, пропустив Янсена вперед и задумчиво потирая лоб, некоторое время позволил себе плестись позади группы, держа в поле зрения каждого туриста. Помимо прочих проблем, каждому из группы следовало дать прозвище. Во-первых, чтобы не учить скандинавские имена, а во-вторых – чтобы проще было запомнить.

Шесть мужчин, из которых знает только Янсена. Двое длинноволосых. Первый – светлый, второй – темноват. Этим клички дать на раз-два: первый – Мрак, а второй, допустим, Белошاپочка, раз блондин. С тремя оставшимися мужчинами чуть сложнее.

Подтянутый моложавый парень небольшого роста с розовыми щеками, высокий лысый парень, больше похожий на вчерашнего студента, и мужик средних лет с волосами торчком. Будут Малиной, Студентом и Ежом. Хорошо.

Именоватъ женщин было сложнее всего. Если рыжую широкобедрую толстушку прозвать Пышкой было недолго, то с четырьмя другими пришлось повозиться, пытаясь определить различия на ходу.

Девушки являлись костяком группы. Как вскоре догадался Аспирин – к собственному вящему удивлению, – только Пышка приехала в Зону одна, остальные четыре прибыли парой – с мужем либо хахалем. «Парными мужчинами» четырех девок, судя по поведению, были Мрак, Ёжик, Студент и Малина. Запоминать, кто с кем спит конкретно, Аспирину было недосуг. Гораздо больше позабавило другое – ухоженный блондин Белошاپочка, и раньше казавшийся подозрительным, в натуре оказался геем, что герр Янсен без улыбки подтвердил.

Четыре «непоименованных» девушки, как и Белошاپочка, были по-скандинавски светловолосыми. А также длинноногими, с узкими бедрами и ничем не запоминающимися смазливими рожицами. Если бы не разноцветные куртки и рюкзаки, Аспирин стал бы путать одну с другой.

И все же различия отыскиались. «Спортсменка», «Любава», «Медсестра» и «Шепот» – выдавало подсознание, понаблюдав за дамами с десятков минут.

Первая будто занималась спортивной ходьбой, следила за дыханием и делала по возможности завершённые движения. Вторая периодически жалась к своему мужику, цепляя под локоток. Третья тоже проявляла заботливость, периодически прикладывала руку ко лбу приятеля, словно меряя температуру. Четвертая время от времени шепталась с Пышкой, но почти беззвучно.

Определившись с прозвищами, Аспирин повторил их про себя, чтобы запомнить. Потом объявил (через Янсена) каждому из группы, попросив отзываться. В общем, никто не возражал.

Дорога оборвалась внезапно. Спустя буквально двадцать минут после происшествия с комбинированной аномалией Аспирин увидел большой овраг, перегораживавший еле заметную сталкерскую тропку. Три дня назад овраг не существовал. Аспирин чертыхнулся. Дорогу он знал назубок, мог пройти здесь с завязанными глазами. Но теперь был не уверен ни в чем. Вскинув АКМ, сталкер приблизился к краю неожиданного обрыва.

На песчаном дне, в белесом тумане, поднимающемся над мутным ручейком, разбивавшимся на множество мелких потоков, лежал человеческий труп. По нему ползали уродливые мутанты, похожие на глубоководных рыб, но с кривыми широкими лапами, напоминавшими когтистые ласты или плавники. Аспирин при всем своем опыте никогда не видел таких существ. Но внимание сталкера привлекли не новые абсолютно экстраординарные уродцы Зоны, а поедаемый ими человек. Раздираемый на части ластоногими тварями, на дне обрыва в грязном тряпье поверх искореженной СВД валялся сталкер Потапов.

Пилюля третья Дырка как физическое понятие

Per rectum ad astrum!
Крик ученого из антигравитационной воронки

Десять человек в разношерстной экипировке цепочкой следовали за своим проводником в сетчатом костюме. Сталкер в КЗСе шел уверенно, иногда постреливая перед собой из рогатки десятимиллиметровой охотничьей картечью, зачем-то выкрашенной в ядовито-оранжевый цвет. Свинцовые шарики то просто летели и вполне естественно падали, то выделяли фантастические пируэты в стремительно преобразующемся пространстве. Всевозможные аномалии, через которые пролетала картечь, тут же проявляли себя. Перед идущими то ярко вспыхивали облака плазмы, то вздымались гравитационные вихри, ненасытно втягивающие в себя весь ближайший мусор, то, наоборот, под грохот невидимых барабанов в разные стороны со свистом разлеталась почва с камнями. А порой с реальностью происходило что-то и вовсе невероятное, что словами описать было трудно, но попасть в такую цветастую круговерт расколбашенного пространства ходакам явно не импонировало.

Группа топала уже шесть часов кряду. Проводник в КЗСе нервно зыркал на свой туристический компас и недовольно бурчал под нос. После того как три шарика подряд врезались в невидимые глазу аномалии, сталкер грязно ругнулся (естественно, по-русски) и знаком велел отряду застыть.

— Хрень какая-то! — заявил он ведомым и поспешил перевести на понятный язык. — Столько аномалий, как сегодня, не встречал никогда. В предбаннике по большому счету их вообще не должно быть. Да и сразу за периметром такая частота — большая редкость. И прибор мой хваленый молчит, словно мертвый! Но главное, есть кое-что уже абсолютно маразматичное: аномалии вокруг нас натканы *упорядоченно*. Прикиньте? Будто какой-то лабиринт! Но только с одной дорожкой, ни вправо, ни влево не свернуть. И чем дальше, тем эта дорожка становится... *уже и уже!*

— Это есть проблема? — на чудесном русском поспешил съязвить ковбой.

— Это есть, твою мать, дикая непонятка! — зло передразнил сталкер. — Гораздо хуже, чем проблема, если ты способен уловить разницу. Игнорировать непонятки в Зоне нельзя. Ибо офигительно вредоносно. В смысле для здоровья. Такое количество аномалий при пересечении периметра ненормально. Но главное, я не могу объяснить *причину* их появления в таком количестве именно здесь. Возможно, перед нами просто новые, необычные проявления Зоны. Как известно, она постоянно меняется, постоянно порождает что-то неизвестное. А нам, черт дери, просто выпало счастье наткнуться первыми на новый феномен. Но возможно... Не знаю. Возможно, это связано только с нами... В общем, в целях безопасности, чтобы убедиться, что проявления Зоны никак с нами не связаны, предлагаю вернуться в предбанник, переспать в нормальном заведении, а завтра утром повторить попытку. Кстати, ночью сможем переговорить с другими ходаками, кто одновременно с нами гулял по предбаннику и сразу за периметром. Послушаем их, а там уже можно будет делать выводы.

Выслушав сталкера в КЗСе, ведомые обменялись взглядами. И неожиданно дружно запротестовали по-английски.

— Нет-нет, это исключено! Исключено! Каждый из нас выложил огромную сумму! Услуга оплачена, назад пути нет!

Громче всех верещал моложавый парень, лицо которого, как казалось проводнику, он видел на обложке какого-то журнала, возможно, спортивного. Сталкер косо посмотрел на мужественную рожу «спортсмена» и огрызнулся:

– А кто идет назад, олухи? Я гляжу, со слухом проблемы, товарищи иностранцы. Предлагаю тупо переждать! Днем раньше, днем позже – какая хрен разница?

– Рассница нам известна, – веско вставил полный мужик средних лет, – вам ее знать не оппязательно, за это было дополнительно накинуто сверху!

– И что за прибор такой, о котором вы упомянули? – вежливо, на отличнейшем русском поинтересовался японец.

– А вот это уже вам не хрен знать! – тоже на русском резко отрезал проводник и поднял вверх руку, требуя тишины.

Народ немного пошумел, выражая возмущение, помахал стволами да притих. Сталкер выждал немного, шумно вздохнул и продолжил уже спокойно:

– Ладно, будь по-вашему. Хотя это и тупо. Идем вперед, плюем на все аномалии. Вот только за трупы, которыми их накормим, я не отвечаю. Без обид, буратины? И еще одно: мы все равно должны вернуться к руинам поселка. – Проводник махнул рукой, указывая направление. – Отряд идет уже долго, скоро ночь. А ночевать под открытым небом в Зоне – развлечение не для слабонервных. Всем все ясно? Согласны?

Иностранцы переглядывались недоуменно, но, вероятно, смысл сказанного до них допер. Они сдержанно пошумели, развернулись и резво потопали в обратном направлении. Полуразрушенный поселок был совсем близко, на той стороне холма. Свежие следы на влажной почве отпечатались четко, группа цепочкой шлепала по ним. Никто даже не стал ждать, пока сталкер встанет во главе отряда. Проводник что-то злобно пробурчал по-русски, постоял маленько, кидая презрительные взгляды в спины ведомых, но последовал за ними.

Спортсмен и ковбой энергично перли вперед, переговариваясь на ходу. Оба едва не плевались от раздражения, видимо, сталкерский сервис их устраивал не вполне. Большинство ходоков обоснованно относили себя к сливкам общества (как любила матюгаться советская пропаганда – «несоветского» общества), привыкли щедро платить, но получать от окружающих опять же – исключительно сливки. Многих возмущал уже тот факт, что нужно было топтать по грязюке на своих ходулях. Почему нельзя было комфортно проехать на внедорожниках? С кондиционерами, видюшками, мини-барами, шлюхами и шампанским? Разве прокладывать тропу не обязан грязный, изчуханенный как свинья мистер stalker? Вот и топал бы себе впереди, а машинки за ним потихоньку катились бы! Из отваленного на мероприятие бабла организаторы *легко* могли бы выделить один процент на накладные расходы и купить каждому клиенту по паре танков...

Закончить свою мысль ковбой не дал упитанный банкир, ломанувшийся впереди остальных. Точнее, не сам, а то, что с ним произошло. Тучный мужик опустил ногу в след, оставленный им же несколько минут назад. Неожиданно его подхватила неведомая сила, подняла в воздух и буквально взорвала. Красные брызги и мелкий фарш плоти с осколками костей накрыли все в радиусе десяти метров. «Миксер» еще разок крутанул пространство, вздернув глинистую почву, и успокоился.

– Оуу, ффак... – только и смог сказать побледневший ковбой, наблюдая, как с полей его шляпы стекают вниз остатки шедшего перед ним человека.

– А ну застыли, уроды! Не двигаться, в бога душу мать! – запоздало прокричал проводник и, глотая от злости воздух, сделал рывок и занял свое «законное» место во главе отряда. – Ну на хрена? На хрена сами-то вперед ломанулись, а? Ур-роды, млять!

Впереди на тропе, где они только что свободно прошли, еле заметно искажая пространство, пульсировала огромная сфера аномальной зоны. Чуть правее, извиваясь змеей, на добрый километр протянулся бурлящий ручеек «ведьминого студня», которого, разуме-

ется, здесь тоже не было минутами раньше. Как и не было полупрозрачного шлейфа «серой дымки» с противоположной стороны тропы.

Сталкер на этот раз пожалел картечь и выковырял из раскисшей почвы несколько камней. Потом он спешно выстрелил ими из рогатки в разные стороны, убеждаясь, что путь назад наглухо перекрыт аномалиями.

– С-сука... – изрек он наконец. – Это просто, млять, невозможно. Аномалии не могут передвигаться так быстро и так... системно, но... Но, выходит, они передвигаются вокруг нас! Передвигаются, вы слышите? Какой-то гребаный попандос!

– И что? – неуверенно спросил у проводника спортсмен и обратился к остальным: – А может, вернуться и переждать – не такая уж и плохая идея?

Отряд молчал. Уверенность и боевой настрой испарила единственная мыслишка: розовым пятном на земле мог стать каждый.

– Успокойтесь, господа, – подал голос японец. – Боги испытывают нас, проверяют на прочность. Мы не должны отступать. Неужели вы думали, что *желаемое* достанется нам столь легко? Подобный приз не дается даром. Мы должны выкупить его кровью.

– Что ты несешь, Такада? – с негодованием вскрикнул ковбой. – Какие еще боги?! Какой выкуп кровью?! Бог – один, и я давно положил на его хваленое милосердие. Верить надо лишь в это! – И Билл с наслаждением хлопнул по своему огромному рюкзаку.

– Не хочу даже думать, что ты принес *это* в Зону! – Ниндзя подстегнул издевкой своего давнего «приятеля». – Глупость, Билл, глупость.

– Так я не понял, мы все же возвращаемся или нет? – переспросил спортсмен.

– Поздно, братишка... – словно мертвый, выдавил из себя проводник в КЗС-е, – судя по расположению переместившихся аномалий, назад уже пути нет. Видно, Зона так хочет, гранату ей за щеку. А с Зоной спорить – последнее дело. Ибо, млять, бесполезно... Ладно, буратины, погнались вперед, не стоять же!!!

Проводник жестом приказал отряду следовать за ним, и оставшиеся девять ведомых вернулись в то место, где недавно развернулись на «сто восемьдесят». Сталкер, желая сэкономить удобные свинцовые шарики, опять наковырял жменю камней и запулил их во все стороны света. Аномалии остались на месте и, как прежде, перекрывали отряду путь.

– Тупик? – сам себя спросил сталкер. Пожевал губу и тут же ответил: – Ни хрена! Не из такой прямой кишки выползали!

Приказав всем стоять на месте и не дышать, проводник вплотную приблизился к одной из аномалий гравитационной природы, которая плотно примыкала к «горнилу». Обе аномалии визуально не были заметны до тех пор, пока в них не попадал сторонний предмет. Тогда они разворачивались и проявляли себя в полной красе. По вихрям вздернутой почвы и огненным облакам казалось, что они накладываются одна на другую. Но это было не так. Выплеск аномальных воздействий всегда несколько выходил за границы самой аномальной зоны, захватывая часть нормального пространства. И проводник это знал. Долго и методично сталкер постреливал то камнями, то картечью, пытаясь нащупать границы срабатывания аномалий. И так же долго и методично он падал мордой в грязь, когда в очередной раз потревоженные аномалии срабатывали и проносили над ним то клубы плазмы, то куски дробленой скальной породы. Впрочем, камням проводник был только рад – не надо было долго ковырять грязь, чтобы найти очередной шуп-маячок.

И через долгих два десятка минут его старания принесли плоды. Очередной камень, выпущенный из рогатки, пролетел низко над землей и упал где-то на той стороне, за аномальными зонами. Сталкер по привычке упал лицом в грязь, но в этот раз над ним ничего не пролетело, пространство осталось спокойным. Проводник взял картечь и повторил выстрел, внимательно проследив за полетом оранжевого шарика. Потом он лежа воткнул в землю нож, а чуть дальше свою походную ложку и приметил ориентиры безопасного коридора.

– Нужна «отмычка», – заявил он наконец, повернувшись к группе с хмурым лицом. – Волонтер, короче. Доброволец.

– Зачем? – негромко спросил спортсмен.

– Попробовать пройти через обнаруженный проход. Если пролезет – пойдем все. Но есть приличный шанс сдохнуть.

– Фак ю, мен! – усмехнулся ковбой, выражая, вероятно, общую мысль товарищей-клиентов.

– Если я полезу и умру, кто вас поведет, а? Умник ты, однако, приятель... – объяснил сталкер свою логику.

– Да плевать, – с легким акцентом произнес смуглый латиноамериканец и добавил: – Это твоя работа.

– Ну, добро. Спорить не буду... – Проводник криво усмехнулся, энергично почесал щетину на подбородке и решительно потопал к аномальному барьеру. – Рюкзаки снимаем и толкаем перед собой, товарищи-клиенты. Чем ниже к земле, тем больше шансов. Ползете за мной по канаве, что я пузом пропашу. Ну, чё встали? – Он обернулся. – Не тупить!

Сталкер скинул рюкзак, утрамбовал его сверху ногой, чтобы тот стал более плоским, стянул ремень автомата так, чтобы он был внатяжку и плотно прижимал калаш к спине, и лег на живот. Еще раз внимательно глянув сквозь импровизированный прицел и запомнив ориентиры на той стороне, сталкер вытащил из земли нож с ложкой и пополз. Все остальные в напряжении наблюдали, как проводник кряхтел, толкая перед собой рюкзак, и медленно преодолевал смертельную ловушку. Он прополз уже десять метров. Ничего не происходило. Протолкнув свой рюкзак еще на десятка два метров, сталкер решил, что этого будет достаточно, и встал. Он оказался прав. Под бодрые возгласы «йесс», «фак» и прочую немудреную зарубежную ненормативку он сначала приветственно помахал ведомым рукой, потом сжал кулак и оттопырил средний палец, демонстрируя понятный всем жест.

Вторым очень шустро прополз по безопасному коридору японец. У него не было с собой рюкзака, как у остальных. Видимо, он умудрился все необходимое распахать по многочисленным кармашкам своего темно-серого костюма. За ним последовали остальные.

Семеро ведомых худо-бедно преодолели аномальное препятствие вместе со своими рюкзаками. На той стороне остались лишь двое – ковбой с огромным рюкзачищем и мужик арабских кровей лет за сорок, которого сталкер про себя обозвал «шахидом». Шахид имел при себе рюкзак немного меньше, чем американец, а за плечами у него висела огромная жердь британской снайперской винтовки. На все уговоры проводника, убеждавшего их бросить свои громоздкие ноши на той стороне, оба ответили отказом.

Первым пополз товарищ араб. Медленно и аккуратно он толкал перед собой рюкзак и продвигался сантиметр за сантиметром. Успешно он преодолел половину пути, и, когда уже все облегченно вздохнули, совсем неожиданно на рюкзаке лопнула пряжка-фастекс. Натянутый до звона ремень высвободился и хлестко ударил по рюкзаку. В воздух взлетел совсем маленький осколок пряжки, но и его хватило, чтобы гравитационная аномалия ожила и втянула в себя араба вместе с его рюкзаком. В считанные секунды все было кончено. Остатки человека и его амуниции разлетелись по всем сторонам света, активируя при этом соседние аномалии. Фееричный аномальный шторм так же быстро стих, как и возник. Наступила тишина.

– Пипец террористу, – бесстрастно резюмировал сталкер по-русски и обратился к американцу: – Хоть ты будь умней, а? Тебе что важнее, шмотки или жопа? Оставь барахло!

– Никогда! – зло гаркнул ковбой, кинул перед собой рюкзак и шумно повалился на пузо.

– Не переживайте, – прокомментировал поступок товарища японец, – я давно знаю этого человека, поверьте, любая аномалия сломает об него зубы, подавится и выблует обратно.

Сталкер криво усмехнулся.

– Серьезно? – Он покачал головой. – Ну, пусть выблюет. Вот только вид у вашего товарища, боюсь, после этого блевания будет э-э... несколько нетоварный.

– Говорю же, я хорошо знаю Билла...

– А я хорошо знаю аномалии, прикинь?!

Японец вежливо поклонился и отступил.

Американец тем временем медленно полз, пыхтел, толкая тяжелую ношу, и без умолку ругался скудным англоязычным матом. Время ползло еще медленнее, и сталкер, не желая дожидаться развязки, походил вокруг да около, проверяя тропу на наличие аномальных зон. На его удивление, за плотнейшим барьером зонных ловушек оказалась полнейшая пустота. Ни один из камней, выпущенный из его рогатки, на своем пути не встретил ни единой аномалии. Как будто всех их смела какая-то чертова метла в одну кучу. И эта куча уже осталась позади. Проводник мысленно поблагодарил Зону за извращенную, но все же справедливость и воспринял чистое пространство как вознаграждение за свой жуткий, тяжкий, но честный сталкерский труд.

Только он закончил отпускать добрые слова в адрес Зоны, недалеко в низине гулко ухнула и провалилась скальная порода. Все мгновенно обернулось на грохот и напряженно уставились в черную дыру, образовавшуюся в земле. Провал, видимо, уводил под землю, в карстовые пещеры. Подобное, конечно, в Зоне случалось. Но почему порода обвалилась именно здесь и сейчас?! Случайностью это быть не могло. Странный нарастающий шум из глубины недр лишь подтвердил худшие предчувствия. Испуганные люди взвели оружие и, затаив дыхание, замерли где стояли.

* * *

Из огромного провала в земле, образовавшегося внезапно прямо перед «зрителями», нескончаемой массой повалили горбатые гиены. Они перли вверх и вперед хаотичной, обезумевшей толпой, словно спасались от кого-то. Сотни взрослых особей разного размера. Со всех ног. И в том беззвучном молчании, которое невозможно для массы бегущих животных, а потому пугающем, иссушающем саму душу. Твари выскакивали, дико вращали глазами и испуганно разбегались в разные стороны, не замечая оцепеневших людей. Люди стояли прямо перед ними, рядом, на вершине холма. Но их словно не было. Пару минут горе-туристы и проводник безмолвно и совершенно безнаказанно наблюдали за необычным «исходом» мутировавших чудовищ. Гиены пробегали очень близко, казалось, можно было нагнуться, сделать несколько шагов и потрогать одну из уродливых спин рукой.

Эти минуты быстро прошли. Случайно либо пораженные некой мыслью, пятнадцать – двадцать крупных гиен развернулись перпендикулярно потоку и бросились в сторону человеческого отряда. Синхронный залп всех стволов мгновенно размочалил животных в рванье. Но звуки стрельбы привлекли внимание остальных. В следующую минуту практически все зонное отродье, будто подгоняемое пастухом, развернулось и дернуло к людям, на холм. За гиенами спешили и их преследователи.

Ими оказались доселе неизвестные проводнику четвероногие твари, напоминавшие гигантских бульдогов, но с мордой мурены на длинной шее. Невиданные гады были куда шустрее и агрессивнее убежавших. Прямо на глазах сталкера и обомлевших «туристаф» арьергард отступающих был настигнут собако-рыбообразными и растерзан прямо на бегу буквально за секунды. Гиены были тварями смышленными и бросились на холм, видимо, с целью «переключить» преследователей на более медленную добычу – людей. Так или иначе, волна гиен и преследующих их «рыбообразных собак» резко накатила на склон и понеслась вверх.

В центре бегущей толпы неожиданно бахнула осколочная граната, раскидав добрый десяток особей. Потом еще одна и еще. Это спортсмен, вместо того чтобы строчить из микроскопического пистолета-пулемета, достал стальную теннисную ракетку, стянутую стальными струнами, и, выдергивая чеку за чекой, отправлял гранаты мутантам. Тяжелые болванки, начиненные взрывчаткой, улетали вдаль, словно теннисные мячи.

– Хренов теннисист! Чемпион, мля! – Сталкер внезапно вспомнил, откуда знал лицо молодого человека. – Олимпийский миномет в натуре. Ну давай, жги их!

Гранаты падали в низине, ближе к провалу, разрывая мутантов, выплескивавшихся из дыры. Ближе метать было нельзя. Однако гиенам и рыбообразным, уже ворвавшимся в мертвую зону гранатометчика-теннисиста, гранаты были не опасны. Именно эта волна, сверкая глазюками и клыками, должна была накрыть отряд с секунды на секунду.

Хором заговорили стволы автоматов и винтовок, опрокидывая на землю авангард тварей. Теннисист отступил за спины товарищей, чтобы «гранатомет» работал под прикрытием стволов. Остальные шестеро ходоков и сам сталкер продолжали отстреливать бегущих по склону. Проводник бил короткими очередями из АКМ. Два пожилых японца вместе с «ниндзей» сбились в тройку и лупили из пистолетов-пулеметов, а то и из вовсе раритетных разборных «Арисак». Впрочем, ниндзя оказался стрелком хреновым, отстреляв пару магазинов, он вернул SOCIMI в кобуру и, лихо выхватив катану, стал немного впереди земляков, готовясь принять удар самых шустрых мутантов. Латинос, которого Билл называл то ли Хуаном, то ли Карлосом и который, в общем, недурно говорил по-русски, стал в стороне от других, пристегнул к своему РПК «бубен» и палил, не особо целясь, от бедра в самую гущу тварей. Поль, американец французского происхождения, и ветеран вьетнамской войны, отзывающийся исключительно на Блubberри, стали парой, вскинули свои навороченные американские карабины М-серии и, впившись взглядом в АСОГи, лупили прицельно одиночными.

Волна мутантов не сбавляла напор. Перепрыгивая трупы сородичей, уродцы отчаянно гребли лапами землю и стремились вверх, к людям. Отряд не был притертой боевой группой, но разношерстная человеческая компания действовала на удивление слаженно. Зона и близость смерти, видимо, помогали. Крики «я пустой» и следующие за ними «я прикрываю» разлетались непрерывной песней. Бахнули подствольные гранатометы на американских карабинах, и атака мутантов окончательно захлебнулась в крови. Последние рыбообразные покатались вниз по склону, дергаясь в предсмертных судорогах. Однако внизу, возле самой ямы, гранаты продолжали хлопать. Гиены и рыбообразные «кончились», но, к удивлению сталкера, выродки Зоны Три-Восемь как прежде фонтанировали из дыры в земле! Рыбо-собаки сменились крысами, затем – непонятными паукообразными тварями. Их шевелящаяся масса, к громадному облегчению людей, сначала поползла в противоположном от холма направлении. Но натолкнулась на стену аномалий и ринулась обратно, гоня перед собой успевших выскочить из ямы гигантских землероек, моховых падальщиков и прочую экзотическую живность. Весь этот иссякающий, но пестрый, лоснящийся спинами мутантов поток пополз в сторону «человеческого» холма. Из ямы больше никто не пер, но вылезших мутантов осталось не просто много, но целое море, при взгляде на которое волосы на человеческих макушках начинали отжигать джигу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.